

ЮРИЙ МАРТЫНЕНКО

МЫ – КРАСНЫЕ КАВАЛЕРИСТЫ

РОМАН

Юрий Мартыненко

Мы – красные кавалеристы. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571115

ISBN 9785448361838

Аннотация

В романе «Мы – красные кавалеристы» показан период истории нашей страны на примере одной семьи от революции 1917 года до горбачёвской перестройки, по сути, от создания до распада великой державы под названием Советский Союз. Книга заставляет задуматься о загадках менталитета русского человека. О том, почему так часто и много нам приходится воевать в этом мире? Своеобразная художественная манера автора делает роман интересным и познавательным для массового читателя.

Содержание

Часть первая. Мельница	7
I	8
II	19
III	30
IV	41
V	51
VI	64
VII	68
VIII	77
IX	82
X	90
XI	107
XII	115
XIII	126
XIV	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Мы – красные кавалеристы

Роман

Юрий Мартыненко

© Юрий Мартыненко, 2017

ISBN 978-5-4483-6183-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Летят, летят года,
Уходят во мглу поезда.
А в них – солдаты,
И в небе темном
Горит солдатская звезда.*

Из песни «Прощание славянки»

Часть первая. Мельница

I

Степан Ворошилов ждал прихода весны. Холода медленно уступали теплу. Хмурилось небо. Выпадал снежок. Начинаясь поземка. Прижимал морозец после снега. Хрупко лопался под ногами ледок на вчерашних проталинах. По утрам, выходя за дровами, люди зябко ежились. Раскуривая махорочные самокрутки, мужики неспешно судачили о погоде. Вспоминая народные приметы, рассуждали, чем порадует лето? Вызреют ли хорошие хлеба, нальется ли травостой к сенокосу?

Но весна приближалась. К полудню с крыш отстукивала капель. Отполированный тугими ветрами, тускло блестел на реке лед. Не сегодня-завтра зажурчат талые ручьи с берегов, на которых осели почерневшие сугробы...

С начала зимы у Степана в лесу заготовлены бревна. Давно мечтал построить водяную мельницу. Лиственницу для мельниц рубили по морозам, когда в деревьях замирает сокдвижение. Оттого дерево с годами становится только крепче.

Взрослел помощник – сын Ефремка. Фигурой в отца. Небольшого роста. Жилистый. Парень не чурался тяжелой работы. Когда началась первая мировая война, Степана призывали на учебные войсковые сборы. Сын помог матери управиться с сенокосом. А двор у Ворошиловых немалый. Две

дойные коровы, несколько быков, телята, свиньи с поросятами. Кур три десятка.

– Куды хватил Степан-то Ворошилов? – удивлялись поселщики. – Решил богачем заделаться!

– Как не поймете, мужики?! Зачем в соседнее село к Комогорцеву лишний раз лошадей мотать с подводами? Дороже и самим выходит. Свою бы вот мельницу заиметь! – вразумлял земляков Степан.

– Нужное дело, – размышляли соседи в поддержку – У Комогорцева иной раз такая очередь выстроится... Сиди-ждидайся на солнце и в дождь.

– Он бы и рад, да не успевает, – рассуждал Степан.

– Оно, конечно, дело серьезное. А ежели эта мельница не оправдается? – опасался брат Ефим, задумчиво теребя кончики усов.

– Как?

– Денег на строительный материал потратишь на полтинник, а выгоды выйдет на копейку. Комогорцев ежели перетянет?

– Быть такого не может! – стоял на своем Степан.

– Пойдем лучше с нами на прииск, что в верховьях Урюма открыли. Одному туго придется с мельницей. Сын пока не помощник. Брату Ефиму не до тебя. Пахота и сев на носу, – урезонивали упрямого Степана поселщики.

– Нет! Будет мельница!

– Вот же упертый какой!..

– Ладно, строить, значит, строить, зря, что ли на бревна лес нарублен? – подвел черту Ефим. – Чем могу-подсобну. С мужиками давеча толковал, тоже не откажут... Я с первого началу был согласен, еще когда на вырубку ходили.

– А теперь чего?

– Не знаю... Что-то засомневался...

– Наслушался советов? Тех, кто по принципу перека-ти-поле? Прииск – это ведь все сезонное. Тут уж как пове-зет. А срубить бы мельницу на паях. Глядишь, и пекарню могли бы открыть. Железнодорожники бы на станции только рады были. Конечно, проще на завалинке сидеть и на бала-лайке тренькать да в стакан заглядывать...

...Сам-то Степан вином не увлекался. Бывало, гулянка на праздник в самом разгаре, а он домой начинает соби-раться. Жена Елизавета спросит:

– Может, Степа, еще посидим? Глянь, как весело! Вон уж Иннокентий Золотухин и гармонику взял.

А Степан – муж не ревнивый.

– Если хочется, то посиди, Лиза. После придешь. С Беломестновыми. В один же конец шагать. Так что, посиди с людьми. Еще и рюмашку можно...

– Ой, Степа, я ж не из-за того. Песен еще толком не попе-ли, – вспыхивала румянцем Елизавета.

Степан смеялся:

– Ой, ты моя. Я шутки ради так сказал, – незаметно для окружающих он нежно обнимал жену.

– А поплясать захочу?

– Кто же, Лиза, против плясок? Только, помнишь, в прошлый раз каблук сломался. Пришлось босиком возвращаться, – Степан гладил жену по руке.

Уйдет Степан, а Елизавете не сидится без мужа. И гармониста «вятские» мехи не любы ей, и плясать чего-то не хочется. Бывало, подружки, разгулявшись, начинают бражничать. Это когда в конце гулянки на столы подают в объемистых бутылках бражку. В забайкальских селах не было принято, как на западе, гнать самогон. Здесь пили водку. Уважали брагу. Когда бродила, в нее для крепости добавляли сушеную черемуху. Для ароматного вкуса растворяли пережженный сахар. Некоторые бабы не брезговали и махорки сыпануть. Хмельная она получалась, чертовка. В забайкальских селах не принято было опохмеляться. Обходились крепким чаем, забеленным молоком. Годились рассол от квашеной капусты или сироп брусничный. Отпился мужик, перекурил и вновь за дела...

Нет, не сидится Елизавете. А Нюру с Федором Беломестновых неудобно беспокоить. Как весело и задорно выплясывают! Однако, зря не ушла со Степаном. А сейчас совсем стемнело.

– Пошто, Лиза, так рано своего-то отпустила? – присел рядышком на лавке Прохор Иванович. – Насчет мельницы не передумал?

– Как же, передумает...

– Правильно. Раз настроился, пускай делает. Ему селяне только спасибо скажут. Им же выгоднее молотить зерно, почитай, дома. Разговаривал недавно со Степаном. Думает попросить кого-нибудь помочь. Из тех, кто пашней не занимается и домашним хозяйством не обременен. Я бы сам подсобил, кабы не служба станционная...

Прохор Иванович жил от Ворошиловых через прогон меж огородами. Овдовел, похоронив жену. Пятый год теперь один. Покойной тридцать пять всего было. Прохор Иванович годков на шесть-семь старше. Послал им бог наследника, да не вынесла жена нежданной беременности. Потеряла ребеночка, а после вышло осложнение. Послали за доктором на станцию. Тот приехал скоро. Осмотрел больную и сказал: «Слишком поздно. Чуток пораньше бы вызвали. Очень жаль...»

Прохор Иванович работает на железной дороге смазчиком. Должность ответственная. Поэтому к нему относились с большим почтением.

– Ты куда? – дернула Елизавету за рукав кофточки Нюра. – А твой где? Только что за столом сидел.

– Вышел на улицу. Может, до ветру. После браги-то.

Нюрка хохотнула:

– Скажешь тоже. Степан твой – мужик трезвый. Не мое горе.

– Ну, ты, Нюр, на Федора-то не наговаривай. Он выпьет бабулю, а веселья потом на весь день хватает.

– А скажи, подруженька, крепко ли запала думка твоему Степану? – горячо зашептала в Елизаветино ухо Нюра.

– Ты насчет мельницы? С языка не спускает.

– Молодец он, – сказала Нюра и обняла подругу за плечи. – Только трудновато вам придется.

– Это верно, – вздохнула Елизавета. – Пускай, как решил. Не стану перечить, хотя ему приличный найм предлагали. Водокачку новую на станции строить. Обещали справную оплату. Не согласился...

– На мельницу нацелился?

– Ага... Придется часть скота на мясо зарезать. Сдать в лавку Епифанцевым.

– Может, лучше на стационарный базар свезти? Выгоднее. Поболее денег выручите.

Подошла подвыпившая Фроська Золотухина.

– И чегой-то, бабоньки, все шепчетесь? Пошли плясать! Иннокентий, давай нашенскую развеселую! Оглох или уши с рождества не мыл?! – чертыхнулась на мужа-гармониста Фроська и припала к Нюре и Лизе. Потом взялась чмокать мокрыми губами в щеку Лизу.

– И куда твой подевался? Пошто нас избегает? А женушку свою он хошь не перестал замечать-любовать? – Фроська опять уткнулась слюнявыми губами в шею Елизаветы.

– Уйди ты, Фрося, прошу! Какое, прянь, бесстыдство у тебя на уме?! – заступилась за подругу Нюра.

– А чего? И пошутить нельзя? – громко возмутилась

Фроська. – Если ейный мужик надумал богатеем заделаться, так к ней и подойти по-человечески не можно? Ишь вы, зашеперилися! Подружками детства брезгуешь, Лизка?! – взвизгнула пьяная Фроська и попыталась размазать по своему лицу якобы навернувшиеся от жгучей обиды слезы. Но вместо них на подбородке блестели то ли собственные слюни, то ли жир от холодца. – А, небось, когда за нами Кешка молодым подглядывал, когда мы с тобой еще в девках купались, помнишь, на обрыве-то, он ведь сразу мне признался, что я русалка вылитая. А щас, смотри-ка, возомнила себя купчихою. Дескать, мужик ее – мельничный князь! А до князей-то тебе, Лизка, понюхай-ко!!! – пьяная Фроська, совсем вздурнув, выставила кукиш с обгрызленным ногтем на большом пальце.

– Иннокентий мой встал в глаза? Своего мужика домой спровадила, а на чужого глаз положила?!

Застолье сломалось. Женщин окружили. Фроську стали оттаскивать. Она несла уже всякую чепуху. Вплоть до того, что надо разобраться, законным ли путем Степан заготавливал осенью лес для строительства мельницы.

– Ну, ты и дура абсолютная, Фроська! – кричала на нее Нюра Беломестнова. – Да плюнь ты, Лиза. Что взять с нее? Одна пьяная баба хуже трех мужиков.

Иннокентий отложил гармошку и тоже подошел со словами:

– Таковую гулянку удумала испортить. Только разыгрался,

музыкальный инструмент разогрел. Ну и глупая баба, ну и вредное же насекомое. Чего с нее взять? Извиняй ее, Лизавета. С пьяных шар понесла дура. И ведь какой умный человек, который сказал, что курица не птица – баба не человек!

Фроську увели в теплое зимовье. Уложили на деревянный топчан. Укрыли шубой. Малым ребятам, которые здесь играли, наказали не пускать тетку Фросю, если проснется, на улицу. Холода еще не шуточные. Озябнет, глупая, заболит.

– Кеха, чего замолк? Бери гармошку! – просили бабы. Мужики, столпившись в сенях, курили. Густой махорочный дым вился в раскрытом дверном проеме, растворяясь в воздухе.

Хозяйка застолья Василиса Федоровна объявила, что сейчас подадут холодный кисель, а браги больше не будет, потому что некоторые из гостей держать себя в руках не могут. Напьются, пользуясь щедрым хлебосольством, и несут всякую напраслину на порядочных людей. И праздник престольный портят, и грех на душу берут, окаянные.

В душе Елизаветы, конечно, вспыхнула обида. Как можно такие пакости плести? Все-таки вместе росли. Делили друг с дружкой все девичьи тайны. Словом, крепкой была обида на Фроську. Но Елизавета поразмыслила и отчасти успокоилась при мысли, что не сама она такие дурные слова сказала. Это брага в подруге закипела. Знать, чем-то шибко недовольна в жизни Фроська. Может, о судьбе задумалась? Ведь, бывает такое. Нахлынут нехорошие и мрачные мысли, нава-

лятся тоска и безысходность, отчего руки сами собой опускаются.

– Брось, Лиза. Не обращай внимания, – успокаивала подругу Нюра. – Бабья черная зависть, видать, заговорила. Кеша, хоть и гармонист, и балалаечник, но хозяин он никакой. Гвоздя не забудет. До Степана ему далеко. А что насчет давешнего Фроська балаболит, так это глупости. Не бери в голову. Пускай себе язык мозолит. Надо же такое напридумывать. Тьфу, ей в глаза за такие несправедливости. Фроська она и есть Фроська.

– Бабоньки-гостюшки, киселька голубичного отведайте. Вот еще шанежек, – приглашала хозяйка женщин к столу.

Гости постепенно расходились. Жены разводили мужей по домам.

Степан еще не спал. Когда Елизавета раздевалась, повернулся к ней лицом. Скрипнули пружины кровати. В окошко светила полная луна.

– Ну что, догуляли?

– Ага. Разошлись. Нюра с Федором до калитки проводили. Я думала, ты третий сон смотришь, – ответила мужу, взбивая подушку и укрываясь краем теплого стеганого одеяла. – Степан!

– Ну?

– Я вот о чем давеча подумала.

– О чем?

– Надо бы нанять кого в помощь. Одному ведь не сладить.

Верно? С Ефрема по плотницкой части какой пока работник? Так, на подхвате. Где что придержать, что подать.

– Я уже прикидывал, – ответил шепотом Степан. – Оно, конечно, и самим можно управиться, но сколько времени уйдет. Все лето. Ефим и племяши обещали подсобить. Брата я загружать не хочу. Котлован бы отрыть и фундамент сложить.

– Пока Беломестновы меня провожали, Федор обещался тебе помочь.

В горенке повисла тишина. От лунного света на стене висели полосы.

– Мать! – Степан слегка дотронулся до горячего плеча жены. – Еще не задремала?

– Нет еще.

– Я вот еще о чем размышлял. Может, кого из охотников подрядить на строительство. У них по весне все равно межсезонье. Чего без толку дома сидеть?

– Поговори. А денег разживемся. Одну корову оставим, двух быков, лошадь. Рассчитаемся...

– Ага, – согласилась Елизавета. Крепко прижалась к мужу. Уткнулась лбом в подбородок.

– Колючий, – она провела ладошкой по щеке Степана.

Он, счастливый от близости родного человека, обнял ее обеими руками и поцеловал в полураскрытые влажные губы. Та благодарно ответила ему тем же. Даже голова закружилась...

– Елизаветушка ты моя родная, как же мне хорошо, что ты у меня такая есть. Понятливая и добрая. Согласная на всякие трудности. С тобою мы хоть с какими делами совладаем. Вот увидишь. Построим нашу мельницу и заживем, наконец.

– Исполнится, Степушка, твое желание, – прошептала она.

Степан целовал жену в податливые губы...

Луна, будто стесняясь, перестала заглядывать в окошко, спрятавшись на небе за облаками. Далеко, в конце улицы, залаяли собаки. Послышались звонкий смех и разговор. Должно быть, молодежь возвращалась с вечорки. Звезды на небе переместились и показывали позднее время – за полночь.

II

Заготовленные бревна успели вывезти по снегу. Раным-рано, по темноте, выезжали со двора тремя санями. Добирались укатанной заледенелой дорогой по речке. Из-за сопок медленно выплывало по-зимнему туманное солнце... День выдался ясный, с утра стоял мороз. К полудню потянул резкий хиус, обжигая красные обветренные лица.

– Смотри-ка, управились за несколько дней, – толковал вечером после жаркой бани за столом брат Ефим. Он наливал из самовара четвертый или пятый стакан горячего чая. Забеливал молоком. Утирал сухим полотенцем лицо. Курчавая черная борода взмокла. По широкой шее скатывались крупные капельки пота. – А помнишь, Степан, как, бывало, из бани да в снег?!

– Как не помнить? – Степан осторожно дул на горячий свежезаваренный чай, держа блюдце кончиками пальцев.

– Когда наметил приступить? – спросил Ефим.

– Пускай оттеплит, чтобы земля толком отошла. С котлована и начнем. Камень для фундамента заготовлен.

– Место, конечно, самое подходящее выбрано. Это хорошо, что на фундаменте будет мельница. Долго простоит... Потом, поди, другие мельницы понастроят, с механикой... Слыхивал о таких?

– Даже доводилось видеть, когда в японскую кампанию

на Дальнем Востоке походом шли. В Маньчжурии паровые мельницы рисовую муку делают.

– Как ни верти, а за граница лучше нас живет. У них там и аэропланы летают, и даже корабли такие есть, что под воду ныряют.

– Да ну? – удивился Степан насчет диковинных кораблей.

– Вот те и лапти гну. Спирька рассказывал. В книжке вычитал.

– В книжке? Басни, поди, – усмехнулся Степан.

– Там еще немой капитан этим кораблем заправлял, – все больше увлекаясь, продолжал рассказывать Ефим, убежденный, что если о чем написано в газетах, а тем более в книжках, то непременно так и есть на самом деле...

– Ну ладно, есть, так есть такой диковинный корабль, – согласился, наконец, Степан. – За спором-то забыли, о чем говорили?

– О поселщиках, которые согласились бы помочь.

– Одним нам с тобой не управиться. Мне еще и пахать, и сеять.

– Знаю. Мне и так лишний раз неудобно к тебе за помощью лезть.

– Ну, это, брат, ты зря говоришь. Кто же, как не кровные люди друг дружку поддержит?

– Тоже верно, – согласился Степан и крепко пожал твердую ладонь брата.

– Да брось ты, – отдернул тот руку. – Не горюй, срубится

твоя мельница. Главное, чтобы желание не пропало. Я, честно сказать, опасался, что не потянешь ты эту стройку. Потому и мужики дивятся, что, мол, Степан Ворошилов за такое неподъемное дело надумал взяться. Не тонка ли, мол, кишка с Комогорцевым сравняться. Так судачили в селе. Люди всякие. Хватает и злюк бабьих, и трепачей из мужиков.

– И теперь опасаясь?

– Теперь нет. А про Комогорцева чего языком молотить? Не своим ведь горбом-то строил. По наследству досталась. Дед его в фартовых старателях хаживал на приисках. Мельницу поставил, когда внук – нынешний Комогорцев – еще под стол бегал.

– Знаю, – Степан приподнялся из-за стола и позвал жену: – Лиза, иди к нам. Присядь. Будя там, у печки, пурхаться.

– Щас! Пока разговаривайте свои мужские разговоры, – отозвалась Елизавета из-за дощатой перегородки. На плите что-то шипело.

– А где Ефремка?

– Ушли с ребятами карусель чинить.

– Вырос мой племяш. Хороший парень, – одобрительно заметил Ефим. – С моими не сравнить. Вот ведь двоюродные они, где-то в них и кровь одна по жилам течет, а совсем разные. И в кого? По нашей-то родовой все смирные были. Из-за того, как-то моя Зинка на меня разобиделась. Два дня не разговаривала. Ночью задницей спала...

– Поди, про брата ее каторжного вспомнил? – догадался

Степан, откусывая краешек шанежки.

– Так и есть, – качнул бородой Ефим. – И ведь трезвый был. Что-то вскипятнулось в душе. Не утерпел... А вынудили мои ребята. Помнишь, разодрались они с казаковскими?

– Помню. Накостыляли тем по сопаткам. Приходили тогда от казаков. Стращали, что, мол, за кастет и срок схлопотать недолго.

– Какой кастет? Это Афонька камешком приложился. Пока Спирька от двоих казаченков отбивался кулаками, на Афоньку толстозадый Пронька рыжий навалился. Ухватил за горло и давай тушей давить.

Братья замолчали.

– Зинаиду твою зацепило, что ты про ее родственника в полном здравии упомянул. Кабы пьяный, так еще простибельно. Какая блажь во хмелю в башку не взбредет? А тут при полной ясности ума такой упрек! Конечно, обидно. Елизавета тоже бы не спасибо сказала на подобные упреки в адрес ее родни.

– Я опосля извинился. К тому же брат ее не по уголовной части в Усть-Кару угодил, а за прокламации. Третий год ни слуху, ни духу. Жив или червей в земле кормит, неведомо. Через него, Гришу-то, и старуха-теща слегла. Парализовало ноги. И помирать не помирает, и жилец не жилец. На днях доктор приезжал со станции. Сказал, что при хорошем уходе и покое, может, и поправится.

– Ну, Зина при ней постоянно, – заметил Степан.

– Это верно, старая при заботе. Матушка есть матушка. Святой человек для своего детенка.

В сенях стукнула дверь. Вошел Ефремка. Лицо красное от холода.

– Озяб? – спросила мать.

– Не шибко. Хиус тянет.

– Что, управились с каруселью? – поинтересовался дядя.

– Ага. – паренек разматывал толстый вязаный шарф. – Кататься пацанам малым.

– Следующей зимой, небось, не до каруселей будет, – усмехнулся в бороду дядя Ефим. – Тогда уж на вечерки начнете бегать с девчатами?

– Поживем-увидим, – буркнул Ефремка. Щеки его еще больше запунцовели.

– Брось парня смущать, – улыбнулся отец, глядя на брата.

* * *

Через два дня по утрам, когда из-за сопот медленнее выплывало зимнее туманное солнышко, Ворошиловых исполошил резкий и громкий стук в окошко. Кто-то нетерпеливо тарбанил по стеклу.

– Кого бы это спозаранку принесло?! – Степан поспешил в холодные сени, чтобы откинуть с дощатых дверей крючок.

С улицы ввалился в заиндевавшем тулупчике Прохор Иванович. Лицо взволнованное.

– Еще не слышали?! – закричал с порога. – Конечно, не слышали! Откуда слышать? Ну, сосед, ну, паря, такие де-

ла на свете делаются!

– Чего, Прохор Иванович? Чего стряслось-то? Беда какая?

– Пойдем, пойдем в тепло! Там расскажу, – поторопил сосед, подталкивая Степана к обтянутой толстым войлоком двери.

На кухне Прохор Иванович сообщил неожиданную новость:

– Я только что со станции! Первым делом к вам! Царя свергнули! Отменили его власть. Во, паря, что стряслось-то!

– Как это? Как царя свергнули? – ошарашенный громким известием, Степан подставил соседу табуретку. Из горенки показалась заспанная Елизавета. Услышав шум, тер глаза проснувшийся Ефремка.

– Сам в толк не возьму. Станционный телеграфист принял сообщение. В депо уже и митинг объявили. Сказали, что будут выступать агитаторы. Подъедут паровозом аж из Читы.

– Читы-ы? – протянул в неопределенности Степан, все больше путаясь в мыслях. – И что же теперь?

– Что теперь? Теперь, значит, паря, сам народ будет собой управлять...

– Надо же, надо! – повторял, не до конца еще понимая смысл произошедшего, Степан. – Вот так-так! Какая новость!

– Такая еще новость! Всем новостям новость!!! – воскликнул Прохор Иванович, расстегивая крючки на тулупчике. – Ладом ничего пока неясно. Ясно одно, что царя больше нет...

– Но кто же все-таки вместо него-то? – с нетерпеливой дрожью в голосе спросил Степан.

– Телеграфист пояснил, что временное правительство.

– Как это временное?

– Шут их теперь разберет. Говорят, по всей России народ ликует.

– А радуются чему?

– Как чему? Свободен народ.

– От кого же он свободен?..

...Новость, прилетевшая в Забайкалье, ошеломила не всех. У многих, особенно, городских чиновников, тлело смутное ощущение скорых перемен. Местная полицейская охранка вдруг обнаруживала так называемую запрещенную литературу и внезапно выявляла лиц, ее распространявшую.

Прохор Иванович, где-то в году 1915-м, стал свидетелем случая. Сокращая путь до депо, с масленкой и ведерком с ветошью для обтирки он нырнул под стоявший пассажирский вагон. По другую сторону путей чуть не столкнулся с человеком, явно пассажиром поезда. Цивильный костюм и шляпа. Аккуратные усики и светлые бакенбарды на бледном неспокойном лице.

– Прошу прощения, – извинился незнакомец, Окинув взглядом железнодорожника, он оглянулся и вежливо повторил: – Еще раз прошу прощения!

В голове поезда раздался жандармский свисток.

Незнакомец нервно оглянулся и произнес: – Это вот, мож-

но, я оставлю? – Он протянул белеющий сверток, показывая взглядом на ведро с ветошью.

Позади, уже совсем близко, снова раздался свисток. Но пассажирский поезд тронулся.

– Быстро! – Прохор Иванович подставил ведро и нырнул под следующий вагон, успев заметить, что незнакомец, ухватившись за скользкие поручни, запрыгнул в тамбур.

Спустя время, отдышавшись от быстрого шага, Прохор Иванович в укромном уголке депо развернул шуршащий сверток. Увиденное ужаснуло. Прокламации! Целая пачка!!!

* * *

В феврале 17-го года царь отрекся от престола. Народ судачил о так называемом Временном правительстве. Что значит, «временные»? И кто же в нем? Умные головы из местных, как, например, Прохор Иванович объясняли землякам, что это те же буржуи-капиталисты... Но что означало слово «временные», понять толком никто не мог. Одно было ясно, что новая власть, скорее всего, лишь только временная, и надо ожидать новых перемен...

Во второй половине марта после роспуска Нерчинской каторги вернулся с Усть-Кары Ефимов шурин. Похудевший, без двух передних зубов, в грязной шинелишке и дырявом картузе, из-под которого свисали грязные космы. В разговоре слегка заикался. У сестры с зятем отмылся в жаркой, аж уши трещат, бане. Не спеша и всласть отпаривал пахучим березовым веником каторжанскую копоть. Мать-стару-

ха и Зина наглядеться не могли на сына и брата. Забили бычка, намололи мяса. Откармливали доходягу большими, в ладонь, котлетами. Отпаивали парным молоком, сметану в палец мазали на хлеб. Отогрели, откормили. Приодели, и шурин уехал в город. Сказал, что так надо, что пришел мол черед выполнять ему свой гражданский долг...

Долго размышляли Ефим с Зинаидой над мудреными словами. Что за долг такой гражданский? Пойди пойми. А мать-старуха повеселела и пошла на поправку. Хоть и обратно покинул сынок отчий дом, но, главное, жив-здоров. Не сожрала его проклятая каторга. Теперь бы только голову свою, в которой битком непонятных мыслей из книжек, он больно читать любил, спрятавшись в укромном месте, куда опять не сунул. От рождения заикастый, Гриша больше молчал и меньше говорил.

...Где он теперь? Какими путями-дорогами мотает его этот самый, будь он неладен, гражданский долг?

Сестра Зина да мать-старуха опять по Грине жили воспоминаниями.

...Встретили его тогда, как положено. Без шумной гулянки, правда, но хлебосольно и с радостью. Собрались за праздничным ужином только свои. Степан с Елизаветой да сами. Ребята – Ефрем, Спиридон и Афоня – сидели за столом, во все глаза рассматривая дядю Гришу. Пацаны-то на улице всякое болтали, как узнали, что дядька ребят Ворошиловых нынче с каторги вернулся.

Во время ужина пригубила старуха из рюмки водочки. Порозовели щеки. Не отрываясь, глядела она, лежа на высоко взбитых подушках, с кровати, которую специально подтащили ближе к столу, на сыночка. Боялась только одной мысли, как бы опять куда не девался Гриня из родимого дома. Две у старухи кровинушки: дочка постарше и сынок помладше...

У Ефима на встречах даже отлегло на сердце. Но в течение всего вечера так и подмывало спросить-полюбопытствовать у шурина: чем дальше намерен заняться Григорий? Два с половиной года каторги все-таки наложили свой отпечаток на его характер. Не то, чтобы стал Григорий угрюмей, нет, скорее всего, молчаливей. Раньше, бывало, становился говорливым, прочтя очередную книжку. Откуда он их брал, до сих пор никому в семье неизвестно...

Вышли на крыльцо. Остудиться, перекурить. Ефим протянул шурину кисет.

– Нет, – отказался тот и пояснил: – За это время отвык. Точнее, пришлось отвыкнуть. Да это и к лучшему. Для пользы здоровья.

– Да и не привыкай по-новой, – согласился Ефим и посмотрел на Степана. Тот с улыбкой кивнул: – Нет худа без добра, Григорий.

Оба брата понимали, что каторжную тему лучше не затрагивать, поэтому как бы враз, не сговариваясь, заговорили о будничных делах.

– Что? Какая мельница? – необычно живо среагировал на разговор родственников Григорий.

– Степан наш строит! Самолично! Своими руками, – с гордостью похлопал брата по плечу Ефим – Ну, и я, конечно, по силе возможного, подсобляю.

– Мельницу?

– Да. Водяную мельницу. На запруде.

Какая-то тень слегка пробежала по лицу Григория. Ефим взялся рассказывать о мельничной затее Степана, делая короткие затяжки из самокрутки, а Григорий так и промолчал до конца разговора, пока не вернулись в избу.

III

Середина апреля. Согласились мужики, хотя у каждого по хозяйству своих дел полно, помочь Степану. Пришли и Федор Беломестнов, и Ефим с ребятами. Афонька со Спирькой казались рослыми парнями, но были с ленцой. Ефремке теперь все чаще приходилось помогать матери по домашнему подворью. По всем статьям парень старательный. Завидный со временем жених кому-то из девок достанется.

Времени до начала пахоты оставалось не так и много. Приходилось торопиться. Только не было на строительстве Григория. Прогостив дома с полмесяца, уехал, объяснив Зине, что по делам. Ушел пешком на станцию, чтобы сесть на поезд. Ефима дома как раз не оказалось. Рисовали со Степаном на листочке бумаги план будущей мельницы. Когда вернулся, Зина сообщила о брате. До самой ночи как-то было муторно. Но прошел день-другой, помаленьку успокоились. Мать-старуха и тем довольна, что живой, мол, и ладно.

* * *

Особенно тяжелой работой была распиловка бревен для настила. Использовали продольную двуручную пилу. Каторжный труд. Сколько потов сходило с мужиков. Часто меняли друг друга, чтобы передохнуть. Но дело спорилось. Федор соображал по части закладки фундамента, потому

что доводилось работать на подряде у железнодорожников. На станции возводили каменную водонапорную башню для заправки паровозов водой. Федор научился готовить нужный замес раствора. Сколько песка, сколько глины, сколько цемента – все четко помнил Федор.

Работали, подбадривая себя шутками-прибаутками. К обеду становились мужики тихими, молчаливыми. Усталость вливалась в тело чугуновой тяжестью. Мужики-посельщики привычны к тяжелому физическому труду, однако мельницу возводить – дело нешуточное.

Проخور Иванович взял на себя общее руководство. Успевал тут посмотреть и там дельный совет дать. Выручало его знакомство с железнодорожниками, когда надо было разжиться то проволокой, то стальными прутьями или скобами.

– Доброе дело, доброе! – хвалил Степана Проخور Иванович, искренне радуясь за соседа.

Снимая шапку и вытирая потный затылок, его поддерживал Федор:

– Другой человек ни за что бы за такое не взялся!..

Приходил поглядеть на строительство дедка Кузя, плюгавенький на вид старикашка, но по характеру безобидный. Не обошлось без его любимой на все случаи жизни присказки:

– Эка, жись корявая! Нету человеку покою. Все должен надрываться. Мож, чем помочь, хозяин?

– Не обробел, дедка Кузя! Ладно, посиди да потрави бай-

ки на перекуре, поддержи душевно, – отвечали ему мужики.

За день выматывался Степан. Вечером, поужинав, засыпал, едва коснувшись подушки. Заботы о домашнем хозяйстве легли на жену и сына. Доили, поили скотину, чистили от навоза стайки. Смогли вывезти с покосных пайков остатки сена. Успевала хозяйка и дом в порядке содержать. Варила работникам обеды, пекла булки и шанежки. Сложивстряпню в корзину, накрывала ее чистой тряпицей и выносила в сени остыть в холодке. В горнице у Ворошиловых свежо и чисто. Пол дожелта выскоблен и вымыт. Кровать в спальнеке заправлена белым выбитым на швейной машинке подзором.

...Если мужики еще имели передышку в работе – перекур начнут или обсуждают, как лучше бревно в паз положить и надежнее законопатить – то некурящий Степан за день не приседал, бывало, ни разу, за исключением разве что во время обеда. Он не мог себе позволить работать с меньшим напряжением сил, чем остальные. Наоборот, всегда старался быть там, где тяжелее. Если бревно перенести, плечо подставлял под комель. Кто-то молотком стучит, а Степан за кувалду берется. Иной раз мужики кричат ему:

– Степан, охлонись чуток! Погляди, все ли верно делается? А еще лучше, командируйся-ка на станцию. Может, кровельным железом покрыть, а?

– Рад бы жестью. Она, конечно, прочнее, да денег пока нет. Покуда покроем драньем. Дальше видно будет.

– Разбогатеешь, перестелешь крышу! – со смехом кричал сверху, с конька, Ефим. – Глянь-ка, однако, полдничать будем!

Пришла Елизавета. Принесла корзинку с еще теплыми пирожками, бутыль молока, вареные яйца.

Вкусно перекусив, мужики заговорили о главной задаче при строительстве мельницы. Это установка жерновов, их отладка, навес на горизонтальную ось лопастного водяного колеса. Смастерить такое колесо, правильно вымерив и подогнав составные брусья и полукруглые основы, которые скрепляются скобами и сшиваются тонкой фанерной вытяжкой – дело тонкое. Если сам остов мельницы рубится из кондовой лиственницы, известной своей долговечностью и крепостью древесины, то лопастное колесо собирается из более легких, но крепких пород дерева, менее всего впитывающих влагу. В Забайкалье под это годится береза. Заранее, еще по зиме, Степан заказал колесо умельцам-железнодорожникам из паровозного депо на станции.

Жернова устанавливал мастер из казачьего поселка, что в десяти верстах от села. Этот человек был единственным на всю округу мельничных дел мастером. Когда к нему обратился Степан, нарисовал на бумаге чертеж всей постройки. На краю листа указал размеры лотков и прочих приспособлений для обустройства мельницы.

В последних числах апреля Степан послал за ним коляску на рессорах и резиновом ходу, подрядив ее у знакомо-

го зажиточного посельщика. Приехавший после полудня мастер долго ходил вокруг бревенчатого сруба. Войдя внутрь, щупал руками пазы, трогал крепления лотков. Закатав рукава и сняв картуз, облачился в рабочую куртку из брезента, и мужики приступили к установке двух тяжелых жерновов в гнездо. Дело трудное и чрезвычайно ответственное. Надо было все приспособить строго по расчету мастерового.

– Так, взяли! Раз-два! Раз-два!! – дружно сообща затащивали наверх по наклонным настеленным жердям тяжелый каменный груз мужики.

– Так! Так! Стоп! Еще продвинули! Стоп! – командовал мастеровой. – Чуток назад! Стоп! Опять на вершок вперед! Раз-два! Стоп! Самый аккурат! Теперь крепим! Покуда не отпускаяй!!

Наконец жернова установили и прочно закрепили. Мужики, вытирая пот, спустились по лестнице на дощатый настил. Вышли наружу.

– Шабаш на седни, – махнул рукой Степан.

Земля была еще голой и черной. Солнце пригревало все сильнее. Скоро на открытых местах проклюнут подснежники. Вслед за ними зазеленеет травка. Истосковался скот по пастбищному корму. Жадно и много едят первое сочное разнотравье даже те животные, что имели зимой вдоволь запас сена. Подворья разные, будь то зажиточный казак со стадом скота, будь обычный посельщик, что держит одну коровенку, бычка да малого теленка для пропитания семьи,

но аппетит у всякой животины одинаковый.

– Запустим мельницу, останется ждать урожая, чтоб по новому помолу поглядеть работу, – сладостно затягивался махрой Ефим. – Хотя можно испытать и на прошлогоднем зерне. – Он весело улыбался, испытывая за брата гордость. Она нахлынула так горячо и внезапно, что даже защипало в уголках глаз...

– Степану, небось, невтерпеж узнать, как новая мельница заработает? – спросил Прохор Иванович, в руке которого поигрывал острый топорик. Махнув, он вонзил его в лежавшее у ноги бревнышко.

– Не переживайте, мужики, все путем будет, – успокоил селян мастеровой. Вытерев пот со лба, он жадно приложился к бутылки с холодным молоком. – Чтой-то притомился я сегодня. Не каждый день, паря, с жерновами в обнимку лазить приходится...

Испытания провели на следующий день.

Открыли запруду, сооруженную из плетеного тальника, камней и глины. Бурный поток воды стремительно хлынул на лопасти, отчего мельничное колесо плавно покатилося вокруг оси, с каждой секундой набирая обороты. В обильно смазанном дегтем железном гнезде мягко проворачивалась колесная ось. Ритмично оборачивалось зубчатое колесо передачи, волчком крутилася блестящая шестерня. Следом взыграли гранитные жернова, и потекла из лотка пахучая мука.

Ждали своей минуты сложенные на дощатых помостях мешки с зерном. Будто в нетерпеливом ожидании муки и объемистый ларь.

– Засыпая мешок в ковш, надо регулировать сыпь, чтобы мука получалась мягкого помола. Проморгаешь, она будет крупитчатой, – пояснял рядом знающий мукомольное дело человек. – Надобно пробовать на язык. Пробуя на язык, надо добавлять сыпь.

Степан вздохнул полной грудью. От волнения у него чуть-чуть дрожали руки. Он подставил широкую ладонь. Мука сыпалась еще горячеей.

– Ну, что? Что, Степан? Хороша и вкусна? – нетерпеливо потянулись к струйке сыплющейся муки остальные.

– Добренько! И вкусна, и хороша! Каж-жется, – только и смог выдохнуть Степан, утирая белые губы.

Обрадованно загомонили, закричали поселыщики.

– Пошла-поехала твоя мельница! Вот, брат, торжества минута! – Не скрывая чувств, Ефим крепко сдвинул пятерней плечо Степана, а потом и крепко обнял его.

А Степану не хотелось отрывать глаз от тонкой белой струйки. Так бы и любовался, наслаждаясь этой картиной.

– Отец, а, отец, – затеребила его за рукав Елизавета, – пора и пообедать. Люди заждались.

– Погоди, Лиза. Погодь чуток.

– Наглядеться не можешь? – Елизавета нежно прижалась к мужу.

А Ефим уже сыпал в ковш зерно из второго мешка.

– Ну, ежели, никак оторваться нельзя, то обед, Елизавета, пускай подождет.

Кто-то, кто пришел посмотреть на запуск мельницы, разошелся по своим делам. У каждого на подворье свои заботы. Конечно, радовались тому, что теперь нужда отпала возить зерно на помол в соседнее село за семь километров к Комогорцеву. Кто-то тайно завидовал, правда, белой завистью, Ворошиловым. Не обошлось, наверное, и без черной зависти. Но надо отдать должное Степану. Своими силами срубил-построил водяную мельницу, хотя не все земляки, честно сказать, верили в эту его затею. Но вот она, мельница! Желтеет свежим смоляным срубом на запруде. Вертит вода колесо, и крутятся жернова, превращая зерно в муку. Ее потом замесят для выпечки свежих хлебных караваев...

– Славно сработано! Ах, как славно! Погляди-ка, – цокали языками, медленно обходя новую постройку, поселыщики.

К полудню прикатил в лакированной коляске с откинутым кожаным верхом, запряженной парой вороных лошадей, и сам Комогорцев. Не удержался глянуть своими глазами, прослышав про конкурента, заимевшего собственную водяную мельницу.

– Эка ты, брат, удивил! – воскликнул Комогорцев, обращаясь к Степану. – Ежели так и дальше пойдет, то обойдешь меня, ха-ха, – старался добродушной улыбаться старый и опытный мельничный собственник.

– Ну, пойдём до дому, коли надумал проведать нас, – пригласил Степан Комогорцева в гости, когда тот все буквально обошел, прощупав даже плотно законопаченные сухим мхом пазы меж бревен. – У Елизаветы и обед готов. По русскому обычаю надо бы обмыть новостройку.

– Святое дело, – оживленно согласился гость, вынимая из кошелки бутылку водки, запечатанную сургучной нашлапкой. – Как видишь, не с пустыми руками... Не бери в голову, что я чего такого затаить способен в душе. Мол, дохода теперь у Комогорцева меньше станет, потому что местные хлебопашцы теперь здесь станут зерно молотить.

– Да, я о том и не думаю, – махнул добродушно рукой Степан.

Елизавета тем временем наставила на стол тарелки с холодными закусками. Возбуждали аппетит прошлогодние соленые грузди и огурцы, брусника, нарезанный ломтями свежий холодец. Соленья отлично сохранялись в погребе от сезона до сезона. С утра, узнав о приезде соседского мельника, приготовила хозяйка жирных щей из свежей свининки, а перед приходом мужа с гостем вынула из загнетка чугунок с только что сваренной картошкой. Сняла крышку. От картошки повалил густой пар.

– Что-то никудашне закусываете? О чем задумались?

Тот не сразу ответил.

– Ты молодой по сравнению со мной-то. Своими руками поставил мельницу. Есть, за что гордость иметь. Тяжело, од-

нако, пришлось?

– Мне поселыщики здорово помогли, – подметил Степан.

– То, что помогли, хорошо, но все равно жилы из себя повилянул немалые. А ну, давай-ка тяпнем под груздочек. Уж больно вкусные у вас грибочки. Прямо сахарные. Шибко понравились.

– Моя Елизавета мастерица по части солений, – с улыбкой согласился Степан и нежно оглянулся на жену. Она поставила на середину стола горячее блюдо с ароматным жареным мясом.

– Куды-куды еще еды, хозяйюшка? – всплеснул руками Комогорцев. – Я уж славно покушал. Сколько щей умял, – кивнул на большую миску.

– Ну, прямо, Егор Никодимыч, – улыбнулась Елизавета и мимоходом погладила мужнино плечо.

– Ладно, под горяченькую свининку еще не грех выпить, – Степан наполнил пустые рюмки.

Комогорцев заметно захмелел. А, как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Когда после обильного обеда забирался в тарантас, задирая ногу на высокую подножку, признался:

– Ты же умный человек, понять должен. Не совсем мне, конечно, хочется радость проявлять. Потому как, естественно, твоя новая мельница перекроет пути-дороги некоторой части мужиков-хлебопашцев. Да, ладно, уважаю тебя за устойчивость духа, за настырность, за то, что не отступил

от своего задуманного. Я слыхивал, что кому-то здесь сильно не нравилось, что ты взялся за эту затею. Никак в толк не возьму. Должно-то не нравится мне, Егору Никодимычу Комогорцеву, потому как это дело напрямую меня касается. Твои-то посельщики из зависти языками трацкают. Знаю такую породу. Ни себе, ни людям. Им бы только на балалайке тренькать, а манна небесная пускай с неба сыплется задарма. – Сидя в тарантасе, он нагнулся и сверху ткнул по-свойски в плечо Степана – Теперь мы вроде как и ближе, само собой, друг к дружке... Ладно, бывай здоров. Спасибо за угощение. Кстати, ждем и вас с хозяйкой в гости. Надо бы нам разговор один составить.

– Какой?

– Надобно одной платы держаться за помол зерна. Ежели ты, скажем, занизишь, то перебьешь мой промысел. О том и поговорим, когда сподобишься меня проведать...

– Спасибо за приглашение. Обязательно навестим с Елизаветой! – Степан отступил от коляски на шаг.

– А ну, по-шли-и! – Комогорцев дернул вожжи. Тарантас легко покатил по улице. Степан стоял у заплота, пока коляска не скрылась на повороте за крайней деревенской избой.

IV

Небо из черного сначала стало синим, а потом сделалось серым – светало. В разных концах деревни начали подавать голоса звонкие петухи. В курятниках оживали куры, хлопая крыльями. Хохлатые деревенские петухи будили своих подружек – пеструшек-несушек и хозяев. В бревенчатых стайках беспокойно перетаптывалась скотина. Заскрипели двери изб. Вяло затыкали сонные собаки. Бренча подойниками, бабы шли в стайки, распахивая настежь скрипучие ворота. Почуяв хозяек, протяжно мычали коровы.

Позавтракав, мужики во дворах отбивали литовки. Середина июля. Начало сенокоса. Ребята запрягали лошадей. Женщины, подоив и выгнав под присмотр пастуха скотину, готовили продукты. В корзины и кошелки складывали вареные яйца, нарезанные большими ломтями куски слегка пожелтевшего сала прошлогоднего посола, но еще сохранившие аппетитный запах чеснока, сырую картошку, свежие с парника огурцы и вороха зеленого лука. В чистые тряпицы заворачивали караваи душистого, испеченного с вечера хлеба, нацеживали в бутылки молоко, в берестяные туеса накладывали густую – ложка стоит – сметану.

С железнодорожной станции, до которой через заливной с маленькими озерами луг около двух верст, доносились до села протяжные паровозные гудки. В рабочей слободе,

как называли станцию и казаки, и крестьяне, как правило, трудились все. Кто не служил на железной дороге, тот уходил либо на прииски, либо в работники к богатым селянам, опять же казачьего сословия.

Готовились к сенокосу и Ворошиловы.

– Ничего, мать, постараемся поболее запастись нынче сеном, – говорил жене Степан. – Ефим сулил по осени телку, чтобы еще одна дойная корова была. А-то куда с одной-то? Лишним не будет.

– Папань? Соболька возьмем? – спросил Ефремка. – Все веселей!

– Пускай бежит, только, чтоб не мешался под ногами.

– Так, он на цепи за зиму и весну сильно истосковался, – пояснил обрадованный Ефремка.

Елизавета помогала укладывать в телегу съестные припасы, свернутый брезент для балагана, чтобы внутри постелить от сырости в случае дождя. Положила и большую овчину, потник, две потертые наволочки, наказывая: – Сеном набьете, чем не подушки.

– Ну, мать, – улыбнулся Степан, нежно глянув на жену. – И на скатках бы выпались.

– А на подушке ловчее, – Елизавета смотрела на мужа, прищурившись от солнца, которое поднималось над острыми сопками, окрашивая половину неба в красный цвет.

– Сладкие-то сны зимой глядеть надо, – пошутил в ответ Степан, осторожно кладя сбоку от брезента литовки, отби-

тые и отточенные бруском до остроты бритвы. Они были завернуты в холстину и перевязаны веревочкой.

Выезжая со двора, Степан глянул на жену:

– Ну, что, мать, с Богом?

– Поезжайте, и так маленько припозднились, солнышко-то по дороге вас нагонит. Тумана нет. Погода бы не испортилась. А испортится, возвращайтесь обратно. Чего там мокнуть?

В первый сенокосный день мужики ставили балаганы, обустривая табора на своих отведенных делянках-пайках. Мужики как бы приглядывались к травостоям. Простые поселщичики косили литовками, кто побогаче, использовали конные сенокосилки.

– Поди, хватит на балаган? – спросил Ефремка, когда прошли с отцом по несколько длинных прокосов.

Степан остановился. Обтерся рукавом. Соболек, размлевший от жары, перестал гоняться за бабочками. Вывалив из пасти розовый язык, пес прилег на бережку шумевшего о камни ключа. В хрустальной студеной воде сверкали брюшками юркие гольяны. Медлительные пескари, водя усами, застывали на глубине, словно изучая подводный мир.

– Пожалуй, хватит, – согласился отец. – Приличный балаган выйдет.

– Тогда я сгоняю в лесок за жердями! – крикнул Ефремка и побежал к телеге за топориком.

На темно-синем небе – ни облачка. На прокосах жи-

лись ровные зеленые валки. За ключом паслись распряженные лошади. Дальше по лугу рассыпались фигурки сенокосчиков. Дымились первые костры, разогревая первые сенокосные чаи.

– Соболек! Соболек! – свистнул паренек собаку. Пес вскопчил, радостно кинулся стремглав, кляцнув зубами на порхавшую над травой разноцветную бабочку.

Опираясь о косовище, Степан смотрел на сына, который удалялся в ближайший березовый колок. Передохнув, пошел на большие прокосы.

...Ефремка волоком притащил жерди. Длинные подойдут на долины. Те, что покороче, с раздвоенными ветвями, похожие на рогатины, сгодятся на вертикальные стойки. С отцом начали сооружать каркас балагана, чтобы обложить его свежей кошениной.

– Покуда чаевничаем, пускай трава подсохнет, – Степан забивал обухом топора последний вертикальный кол с раздвоенным кверху концом. На эту рогатину укладывалась центральная продольная длинная жердь, служившая опорой для скатов балагана.

Ефремка принес охалку сухих сучьев, быстро разжег костер. Пламя жадно лизнуло бока черного жестяного чайника. Пес, вдоволь набегавшись, разлегся у воды. Ефремка вытащил из ключа небольшую пузатую плетеную из тальниковых прутьев корчажку. Внутри сверкали, прыгая на покатые стенки, крупные гольяны-беляки. Ефремка вынул из гор-

лышка травяную затычку, перевернул корчажку. Посыпалась рыба. Среди беляков оказалось с десяток красноперок.

– Глянь-ко, Соболек, какая ушица знатная выйдет, – довольный уловом Ефремка потряс мокрой корчажкой перед мордой пса. Тот, повизгивая, оживился, вскочил на лапы, ткнулся носом в холодную рыбу, но улова не тронул. Все-таки Соболек не кот-котофеич, а умный и рассудительный пес.

– Погодь маленько! Опосля и тебе достанется! – успокоил пса Ефремка.

Из леска вернулся отец. Сбросил охапку валежника у костра. Глянул на рыбу, сложенную в алюминиевую миску.

– Добрый улов. И набилось-то быстро! Где тут у нас котелок? Сразу и уху сварганим.

Удобное у Ворошиловых место на сенокосе. Паек прямо от ключа тянется на пологий взгорок по лугу, одним краем цепляя березовый колок.

Ароматную уху аккуратно черпали деревянными ложками, держа над куском хлеба. Неторопливо пили забеленный молоком чай с шанежками и колотым сахаром.

Спать легли пораньше, чтобы подняться с рассветом и по густому утреннему с росой туману начать косить. Небо постепенно тускнело. На нем загорались первые звезды. Над сенокосными пайками стелился дым от многочисленных костров. Сенокосчики дочаевывали и укладывались спать в своих балаганах. Где-то гавкала собака, потом замолкла. Слышно, как бряцают колокольчиками и фыркают стрено-

женные лошади, которые паслись на закрайке сенокосных угодьев.

Погода сухая. Пахнет свежим сеном.

– Благодать. Комарья нет, – заметил отец.

– Угу, – отозвался Ефремка почти сквозь липкую дрему.

Его одолевал сон. Устал за день.

– Спи-спи, – Степан протянул руку и плотнее подоткнул края овчины, под которой посапывал, подобрав коленки к подбородку, Ефремка.

Дня четыре простояли солнечными и безветренными. Много напластано травы, как вдруг погода стала хмуриться. С востока, с гнилого края, как выражались мужики, поползли по небу белые облака. Они на глазах темнели, превращаясь в серые низкие тучи. Вскоре упали первые капли дождя.

– Задожжило. Все дело испортила эта сетуха, – чертыхался Степан, глядя на серое без просвета небо, которое сплошь было затянуто белесой пеленой, что означало затяжную сырую непогоду. – Подождем, глядишь, растянет. Не успели еще толком раскосариться, – внезапный сухой кашель прервал на полуслове. Откашлявшись, Степан добавил: – Подожду. А тебе, Ефрем, подвернулась возможность мамку проведать. Глядишь, пока вертаешься, и распогодится...

Когда дождь перемежился, запрягли лошадь. Ефремка отправился в село. Опустело и на других таборах. Мужики пережидали непогоду в балаганах, отправив ребят-подростков за продуктами домой.

Морозящий дождик прекратился так же внезапно, как и начался. Посветлело небо, пропуская сквозь пелену солнечные лучи. В мутных просветах показался и огненный диск, быстро высушивая влагу на траве, кустах, деревьях. От мокрой, потемневшей от дождя, кошенины густо подымался пар. По руслу ключа тянулся туман, который постепенно рассеивался. Покосы оживились людским гомоном, визгом собак. К полудню замелькали литовки в руках косарей. Вернулся Ефремка.

– Вон сколь мамка харчей отправила!

Ну, теперь за работу, – Степан с надеждой глянул на небо. – Будем косить, покуда погода позволяет. Как подсохнет кошенина, переверем. Просохнет совсем, начнем грести и ставить копна. Наберется на стог, будем метать. Иначе – сеногной...

* * *

Обильный в этот, тысяча девятьсот семнадцатый, год выдался урожай в Забайкалье. Зерна намолотили вдосталь, засыпав полные амбары. Щедрой на дикоросы оказалась и тайга этим летом. От голубики с жимолостью синели бескрайние глазу мари среди сопок, пламенели вишневым цветом брусничные поляны у подножий вековых деревьев. Эта целебная ягода любит глухие, загороженные чащей, но открытые солнцу места. А сколько грибов уродилось! Густой россыпью торчали из прелой таежной подстилки в темных, закрытых от солнечного света, хвойниках влажные маслята.

Оттопыривая прошлогоднюю опавшую листву, лезли на свет мохнатыми шляпками белые, будто сахар грузди. Их многочисленные семейки длинными вереницами тянулись по травяным косогорам среди мшистых камней-валунов. Люди бочками солили грибы, чанами засыпали на зиму, заливая сахарным сиропом, бруснику да голубику. Из жимолости, малины и смородины получали варенье. С избытком запаслись мужики и сеном для домашнего скота.

– Буренушки нынче не обидятся, – радовались селяне при виде крепких душистых зародов, не подпорченных «сеногноем». Отменным оказался даже самосад на огородных грядках. Бабы специально сажали табак рядом с капустой, чтобы уберечь ее от несносной прожорливой блошки, имевшей обыкновение нападать на только что высаженную в середине июня рассаду – еще толком не окрепшие ростки в два-три маленьких листочка.

– Сытным будет нынче год. Чего еще надо? – переговаривались довольные посельщики, сидя на завалинках или на скамейке у калитки.

– Оно, конечно, ловчее, когда ни засухи, ни наводнений, – отвечал соседу сосед, сворачивая за дружеским разговором вторую или третью козью ножку. Славно поработали, не грех ладом передохнуть, перевести дух после трудов праведных.

Обычно по осени, после того, как кололи скот, запасаясь мясом, наступала черед свадоб. Эту пору свадебную любили на деревне все, от ребятишек до стариков. Словно второе

дыхание открывалось у людей. Отступали даже разные хвори. Свадьба на деревне – целое событие, причем зрелищное. Особенно, если молодые из зажиточных казачьих семей. Тут и размах, и удаль, и шумное веселье, которым охвачены многочисленные родственники с обеих сторон – жениха и невесты!

Да и в прочие праздники с размахом гуляли в поселке. Нарывали в разных концах гармошки. Мужики с женами переходили из избы в избы. С большими бутылками хмельной браги в обнимку, не забыв на гостинцы хозяевам корзинку с пирогами или шанежками. А там уже ждали. И в каждой новой избе, где собирались гости, гулянка разгоралась с новой силой и хмельным задором. Не держали людей и лютые морозы в зимние дни. По сугробам напрямик, протаптывая в снегу глубокие тропинки, спешили кумовья друг к другу за праздничный хлебосольный стол. Молодежь не была склонна к пиитию спиртного. Парни и девчата щелкали семечки, устраивали на льду озерка, что посреди поселка, самодельную карусель. Спешили с наступлением сумерек на вечерки-посиделки, которые организовывались у кого-то из знакомых, обычно какой-нибудь вдовы-солдатки, имеющей просторную избу. Места всем хватало. За это собирали с человека по пятаку гостеприимной хозяйке, которая заранее хорошенько протапливала печь, кипятила ведерный самовар.

А на гулянке у взрослых играла-заливалась на все лады гармоника, плясали мужики и бабы, залиvisto хохота-

ли молодухи, засидевшиеся в девках. Они присматривались к нарядившимся по праздничному случаю тоже припозднившимся в женихах парням, иные из которых успели и службу ратную завершить. Некоторые и пороху понюхали в окопах Восточной Пруссии. Парни, кто побогаче, старательно начищали сапоги – «хромки». А кто победнее – ограничивались простенькими ичигами.

Драк не было. Иногда повздорят друг с дружкой, обменявшись зуботычиной, и все. Мирно расходились по домам. Зла не держали. Обиды не таили.

Ничего худого не предвещало начало осени семнадцатого года. Жизнь текла размеренно и спокойно. С завершением уборочной страды Степану работы навалилось. Вереницей тянулись в сторону «ворошиловской» мельницы тяжелые подводы, доверху груженные тугими мешками с зерном. К октябрю мало-помалу смогла семья начать рассчитываться с долгами.

V

...Тяжело дыша, все чаще присаживался усталый Степан на колоду у входа в мельницу. Капельки пота стекали по лицу, оставляя полосы на испачканной мукой коже. На мельнице не предусмотрено окон. Солнечный свет попадал через постоянно раскрытые двери. Похолодевшее осеннее солнышко грело мало, но все-таки ласкало взор.

– Ты бы поберегся, Степушка, – просила вечером Елизавета, с тревогой глядя на уставшего мужа.

Ефремка, стараясь во всем помочь отцу, брался было за мешок с зерном.

– Погодь, сынок, – трогал его за плечо Степан. – Неокрепший ты еще. Лучше-ка помоги мне забросить. Э-эх! – жилистый Степан тащил мешок к желобу. Зерно золотистой струей стекало в чашу. Из-под жерновов струилась белая мука.

– Прямо загляденье, – восхищался, передохнув, Степан, не отрывая взгляда от свежей муки. Он подставлял под струйку ладонь. Мука сыпалась меж пальцев.

– Однако трудно тебе, брат, в одиночку-то справиться, – с сочувствием глядел на него Ефим.

– Почему в одиночку? Ефрем помогает.

– Да я не про то. Постоянных бы тебе мужичков парочку. Все-таки полегче было бы. Спина-то, небось, болит? – пытался разговорить брата Ефим.

Тот отмахнулся:

– Некогда мне разговоры разговаривать. Все нормально. Лучше сам подсоби.

– Я-то ведь только временно могу подсобить. Сам знаешь, покуда дома передышка от дел имеется. Подумать надо бы, кого тебе в помощники снарядить?

Степан выпрямился, поглядел на брата:

– Ты мне батраков-то не сватай. Я тебе не Комогорцев.

– Ну, куды хватил. У него такой размах! И мельница, и скот, и поле хлебное. Ему, конечно, без батраков никак не обойтись, – Ефим сделал паузу и продолжил свою убежденную речь: – Но и тебе без посторонних рук тоже нельзя. А как ты хотел? О чем думал, когда мельницу строил? Оно вот и сейчас бы спину меньше ломило-корежило, кабы еще тогда на лесосеке у тебя добрая помощь была. А нет, все почти в одиночку. И пилил, и разделявал лесины. Один жилы рвал.

– Так уж один? – откликнулся Степан. – Сколь разов ты с ребятами помогал. И вывозили вместе.

– Какой все-таки ты упрямец, – Ефим от досады даже сплюнул. – Пойдем, что ли на свет белый. Водички глотнем. Горло все пылью мучной забило.

– Пойдем, – согласно кивнул Степан. – Минут на пяток не более, а то не управиться до вечера. Обещал Даниле сегодня домолоть его зерно.

– Если Даниле срочно надо, мог бы и сам задержаться, по-

мочь, – не удержался, ворчливо и с долей укоризны, заметил Ефим. – Глянь-ка, доверил свое зерно.

– Что я, заначу, что ль?

– Да я не о том. Хитроватый этот Данила-копченый. Сгрудил и укатил, чтобы не корячиться тут лишний раз. Я давно заметил, что настоящий хозяин сам норовит даже внутрь с мешками попасть, поглядеть хоть, как оно, зерно, в муку, в хлеб превращаться будет.

– Это и верно, и не совсем, – возразил Степан.

– В чем «не совсем»? – удивленно спросил Ефим.

– В том, что каждому на мельнице самолично находиться не резон. Тут у меня какая-никакая чистота и порядок. Окурка не найдешь. А люди, сам знаешь, разные бывают. Иной еще харкнуть и сморкнуть может, где стоит, прямо под ноги. А здесь, паря, мука – продукт... Неряшливость здесь должна быть исключена.

...Вечером, перед ужином, Ефим, улучив момент, пока брат споласкивался в бане, шепнул Елизавете:

– Ты, Лиза, того, повлияй на него, пускай насчет помощников подумает. Один он так быстро силы сожжет. И так, сколь их потратил, пока лес заготовливал, мельницу рубил. Погляди вон, не курящий, а кашляет чего-то...

Елизавета сменилась в лице, побледнела, испуганно посмотрела на свояка.

– И ночью все ворочается. После трудов-то люди спят-храпят на все лады...

– Вот и я про то же, – согласно качнул бородой Ефим. – Может, что болит у него? Доктору бы показаться.

– Что ты? Что ты? – замахала руками Елизавета, вытирая передником лицо. – Степан докторов напрочь никогда не признавал. Знаешь ведь, как любит повторять: прежде всего, работа, воздух и еда, остальные дела – не беда.

– Эти слова пригожи по молодости, когда человек здоров и полон сил. Тогда, конечно, легче рассуждать, а вот хворь навалится...

– И чего люди скажут, когда работников найдем? Мол, стали, как мечтали, Ворошиловы богатеями-буржуями.

– На каждый роток не накинешь платок. Кто и болтнет, так это не от большого ума. Козе понятно, что с мельницей собственными руками, хоть ты даже и двужильный, не справиться. У приличного человека язык не повернется сказать такое о Степане. Собственным горбом на благо посельщиков сработал мельницу. У мужиков сократились расходы на помолку зерна. Это же выгодно для них! Не хлебают сейчас киселя, добираясь до Комогорцева. А болтать обычно болтают те, кто на завалинке день-деньской на балалайке тренькает или гармошку, не в обиду будет Кехе сказано, тягает туды-сюды.

...Глубокой ночью Степан сильно закашлялся. За дощатой перегородкой проснулся Ефремка, услышав громкие хрипы отца. Степан поднялся. Растирая грудь пятерней, прошел на кухню, нащупал в загнетке еще теплый чайник.

От воды горло смягчилось. Вернулся тихонько в спальню. Осторожно прилег с краешку на кровать, чтобы не тревожить сон жены. Елизавета, конечно, слышала резкий ночной приступ кашля, но виду не подала. Иначе Степан расстроится, что, мол, спать никому не дал. Утром, когда он вышел на улицу, спросила у завтракавшего за столом сына:

– Отец простыл. Не пойму, где?

– Поди, на мельнице, – пояснил Ефрем. – Там, бывало, так напаришься с мешками. На улицу выйдешь охолонуться, а уж заморозки нешуточные....

– В больничку бы надо, к доктору. Вот и дядя Ефим советовал, – поделилась тревогой Елизавета.

– К доктору? – Ефрем удивленно смотрел на мать. Ни разу раньше не заходила в доме речь о больнице...

* * *

В деревне работы – нескончаемый круг. Так же, как после лета наступает осень, затем ее сменяет зима, приходит весна, а затем опять лето, то же самое у крестьян. Календарный год поделен на сезоны. Сезон пахать и сеять, сезон косить сено и убирать урожай зерновых, копать картошку и солить капусту, сезон вывозить по снежному насту сено с лугов, колоть скот, заготавливать в лесу дрова. Кроме всего этого масса работы по домашнему хозяйству. Печку топить, за скотом ухаживать – поить, кормить, стаи чистить от навоза, доить, перегонять молоко на сепараторе, чинить телеги и конскую упряжь, если лошадь в хозяйстве имеется. Хозяйкам поми-

мо всего – готовка, шитье, стирка, уборка и прочие другие многочисленные домашние заботы, не говоря уж о малых ребятах, которыми были богаты почти все деревенские избы. Словом, не соскучишься. Хотя в бесконечно долгие зимние вечера те, кто постарше, кому не до любовных утех со своей суженой на скрипучих палатах, подальше от малой детворы или наоборот, внизу, на кровати за тонкой в лучшем случае дощатой перегородкой, отгораживающей взрослых от детей, изнывали от тоски в своих деревенских избах. Кто помоложе, успевали нежиться раз в неделю разве что в банные субботние дни. По такой причине мылись подолгу... А совсем молодежь, у кого еще только-только начинала закипать кровь, убегала на вечерки. Пощиплются при луне, и на том хорошо. Деревенские девчата блюли целомудрие, соблюдая невинность, имея за то уважение парней.

Особенно тягостно в бесконечные по времени вечера и ночи приходилось старикам. Мучила бессонница. А если еще с печи бабка что-то ворчит недовольная. Или, наоборот, дед вредный все гундит. Тогда и жизнь, будто в тягость. Одна радость – гости. Родня-то многочисленная. Жили-то обычно рядышком, по-соседству. В худшем случае, в разных концах деревни. Строились, по возможности, ближе друг к другу. Молодые чаще выходили замуж и женились на своих, деревенских. Так что часто выходило, половина села в третьем поколении была переплетена родственными узами. О случайном кровосмешении, которое вело к болезням поздних

поколений, речи в ту пору и быть не могло...

* * *

В первых числах октября заметно похолодало. Облетела последняя листва. Деревья стояли голые. Издали лес казался черным и мрачным. В нем с подсвистом шумели осенние ветра.

Малые ребяташки кидали с обрыва на тонкий ледок камни. Ледок глухо лопался, и камни с бульканьем исчезали в воде. Детвора не могла дожидаться, когда озерко замерзнет, лед станет прочным, чтобы на него можно без боязни выйти кататься на рулевушках. Придумали на деревне такие нехитрые самодельные салазки не салазки, санки не санки. В основе – коньки. Редко у кого железные, в основном, деревянные, остро оструганные и облитые водой на морозе, чтобы лучше скользили по льду. Коньки прикреплялись к сделанной из коротких дощечек сиденью. Усаживались на него коленками. Для удобства подстилали кусок мешковины или лучше овчины, чтобы мягче было. Отталкивались короткими острыми пиками из толстой проволоки. Проволоку находили на железнодорожной станции, где рабочие крепили грузы на платформах.

По свежему, еще не припорошенному снегом, льду озерка, которое обычно замерзало к Покрову, сорванцы лихо гоняли на рулевушках друг за другом. Слышался на всю деревню громкий ребячий визг, восторг и крики. Правда, в иных местах ледок оставался еще хрупким. Несется мальчишка,

а под ним ледок-то и прогибается, покрываясь трещинками. Свои ли родители или чужие взрослые увидят – ругаются. Иной из отцов, будучи в сердцах, мог взять топор и запросто изрубить сыновнюю самоделку, отчего у парня вскипала жгучая обида в виде слез и громкого рева. Но, выждав время, парень, утирал сопли и начинал втихаря восстанавливать погубленные чудо-салазки.

Как раз, в ночь на Покров, выпал снег. Проснулись утром люди, а за окошком белым-бело. Непривычно и даже волнительно на душе. Ощущение чего-то нового, знакомого, но позабытого за весну и лето. Какое-то ожидание томит душу, когда выходишь поутру из дома и ступаешь на первый снег, еще не хрустящий, не подмороженный, а мягкий. Хрустеть он станет после того, как его прихватит в следующую ночь первым крепким морозцем. А пока крупные снежинки умиротворенно оседали на изгороди, крышах домов, поленищах дров. При полном безветрии они медленно падали с неба, постепенно покрывая землю и постройки. Мужики, входя в избу, снимали шапки и папахи, выбивая снег из меха и овчин, обметали вениками обувь. Бабы отряхивали платки и подолы.

С наступлением первых серьезных холодов Степан расхворался не на шутку. Донимала ломота по всему телу. Кашель перестал мучить, но температура не спадала: то жар, то озноб. Фельдшер имелся в железнодорожном лазарете на станции. Через Прохора Ивановича Елизавета договори-

лась, чтобы врач оказал милость, приехал посмотреть больного. Но тот не мог отлучаться из лазарета. Такой порядок. Пусть, мол, больной сам придет на прием, врач его и осмотрит. Делать нечего. Запрягли коня. На санях и поехали. Сопровождали Елизавета с Ефимом. Осмотрев больного, доктор сказал, что температура вызвана простудой. Это пройдет. Надо только попить порошков и побережься. Но настораживало общее состояние Степана. Ефим без утайки поведал доктору о том, что брату довелось и на лесосеке покоряться с бревнами, и затем мельницу рубить. Доктор, человек уже в годах, маленького роста, с седой бородкой, покачал головой, отвечая Ефиму:

– Боюсь, голубчик, что больной малость надорвался. Смею вас заверить, поскольку симптомы определенные есть. Так что пока никакой физической работы, какие-либо нагрузки должны быть исключены...

– Как же? Как же без работы? – удивленно смотрел чуть позже на врача Степан. Кустистые седые брови доктора приподнялись над стеклышками очков в жестяной оправе.

– Ну, любезный, я, кажется, ясно выразился, – Никаких физических нагрузок. Абсолютно никаких! – доктор повысил голос на последних словах.

– Господи, – перекрестилась Елизавета, – как же в деревне без нагрузок?..

Ефим молчал, прижимая левой рукой невестку к своему плечу. Успокаивающе произнес:

– Доктору виднее. Он пустое говорить не станет. Раз надо, значит надо. Сейчас побережься, глядишь, и все выправится. Вон, как раз, и зима на носу. Мельница отдыхает, и Степан тоже. Ничего, Лиза, выкрутимся. По хозяйству сами с Ефремом справитесь. А докторским наставлениям следует подчиняться...

– Ну, что, мам? – встретил у заплота по сумеркам родителей и дядю Ефима встревоженный Ефремка.

– Ничего, племяш, – ответил как можно спокойнее за всех Ефим. – Приболел немного папка. Пройдет.

Степан, встретившись глазами с сыном, улыбнулся. Мать тронула за раскрытый воротник:

– Закутывайся, сынок, ладом. Не лето же...

– Я распрягу, – запахивая потуже ворот, ответил Ефремка. – Идите за стол. Я картошки наварил. Приготовил груздей и капусты. Полил маслом.

– А ты? – спросила мать.

– Я уж поел.

Ефим, проводив брата и невестку до избы, остаться на ужин отказался.

– Завтра раненько с ребятами по дрова ехать. Домой поспешать надо. Зинуха завтра вас проведает. Она сегодня по утру и квашню поставила, так что угостит пирожками с требушинкой. Степан любит их. Верно, Степан? Помнишь, как маманя наша стряпала? Ну, ладно, бывайте. Завтра после леса вечером загляну...

...Ужинал Степан кое-как. Подцепив на вилку картофелину, долго смотрел на нее, потом вдруг произнес:

– Без нагрузок, без работы. Как можно так? А, Лиза?

Та поставила кружку с молоком. Пересела к мужу на противоположный край стола. Обняла за плечи, нежно потерлась подбородком о мускулистое твердое мужское плечо.

– Ничего, Степушка, все пройдет. И правду Ефим толкует, и доктор тоже, что поберечься надо. Зимой не шибко ведь много работы. Мельница до ледохода, до воды простоит. Ефрем совсем большой стал. Чем не помощник? А? – Елизавета отпрянула от мужа, заглядывая ему в глаза: – Старики судачат, что следующий год опять выдастся урожайным, значит, благостным во всем для людей. Мол, на то все приметы указывают...

* * *

Несмотря на разные народные снадобья, Степан медленно угасал. С постели почти не подымался. Разве что по нужде. Решительно отказавшись от жестяного ведерка, самостоятельно выходил на крылечко. Спустившись по ступенькам, медленно ступал, перебирая руками по изгороди, до нужника.

Станционного фельдшера, которого еще раз приглашали осмотреть больного, особенно настораживали тупые боли в тазобедренной области тела больного.

– Слышь, отец? – позвала мужа Елизавета, склоняясь над ним с кружкой в руке. – На-ко. Хоть глоточков несколько.

Полезительно пить молочко кипяченое.

Степан повернул голову. Глаза запавшие, слегка мутноватые, потерпи-ка боль день и ночь...

– Что, мать, серьезные дела в мире делаются?

– Что может быть серьезнее наших дел, Степушка?

– Ты с Прохором Ивановичем давно виделась?

– Намедни, а что? – удивилась Елизавета.

– Ты у него так и спроси. Мол, Степан просил.

– А что спросить-то?

– То же самое, что я только что у тебя спрашивал. Серьезные, мол, дела или так, временно?..

Вечером Степан вновь обратился к жене с тем же вопросом.

– Ну, что?

– Говорила я, Степушка, с Прохором Иванычем-то.

– И что?

– Серьезнее, говорит, не бывает. Серьезнее, чем даже в пятом или четырнадцатом году.

– Понятно, – прошептал Степан. Меняясь в лице, он посмотрел на жену: – Чую, тяжело вам, Лиза, придется без меня. Ну, ничего. Ефим вас не бросит.

– Что ты, что ты, родной?! Такие страхи говоришь! – Елизавета кинулась лицом к лицу мужа. На подушку закапали слезы. – Такое напридумывал? Вот увидишь! Поправишься! А то, что равенство и братство наступает, так это очень хорошо. Люди наконец-то свободно вздохнут. Прохор Ивано-

вич так говорит.

– Лиза, Лиза, да кто же мирно-то старую власть отдаст? Кровь прольется. Много крови... Берегите себя. Как можете... Жизнь – самое главное. Все остальное – наживное... Надо жить. Остальное приложится...

VI

...Степан не дожил нескольких дней до самых сокрушительных событий двадцатого века, круто изменивших этот век, поставив его с ног на голову.

Он умер тихо. Вероятно, ранним утром. Замечено, что люди чаще рождаются на белый свет утром и утром же чаще покидают его, уходя на вечный покой в иной мир.

Елизавета убивалась, причитая, что не углядела последний смертный час мужа. Упрекала себя, что не досидела у кровати больного до злополучного рассвета. Сон сморил ее. Она тихонько прилегла в кухоньке на лавку, завернувшись в рогожку у теплой, протопленной с вечера, печи. Она, конечно, не ожидала, что Степан уйдет из жизни так скоро. Была надежда, что выздоровеет. Никто из родни не мог поверить, что физически здоровый и крепкий Степан так быстро сдаст. По разумению селян, люди покидали этот свет, погибая в военных кампаниях или от неминуемо жутких и страшных болезней типа холеры или тифа. Бывали несчастные случаи, но они крайне редки в деревне. Разве что под взбесившуюся кобылу попасть или утонуть по трагической случайности, под лед провалиться, но, чтобы вот так?.. Это, наверное, какое-то свыше произошедшее недоразумение, что, конечно, несправедливо со стороны высших сил по отношению-то к Степану Ворошилову, доброму и справедливо-

му трудяге-мужику, кормильцу и надежной опоре семейства, нежному и заботливому мужу, отцу, с которого окружающим только пример брать. Так думали односельчане, когда Ворошиловых постигло горе.

– Не казни себя, Лиза, – успокаивал невестку Ефим. – Ничем бы не смогла помочь Степану, коли час его настал. Может, оно и к лучшему. Не видел он в последний миг твоих горьких слез. Отошел спокойно...

Схоронили Степана двадцать четвертого числа, а на следующий день в далеком Петрограде холостой пушечный выстрел крейсера «Авроры» известил о начале новой эры. Россию потрясла октябрьская революция. И на просторах забурлившей страны завихрились великие события, волнами расходясь от революционного Петрограда до самых до окраин бывшей империи. И прежние раздумья и мысли людей, утратив в одночасье свою важность и значение, сразу остались во вчерашнем дне. Подступала такая жизнь, что становилось не до воспоминаний. Для большинства населения те перемены, что были вызваны или, может быть, навязаны октябрьским переворотом, стали вопросом жизни и смерти в самом прямом смысле этих слов.

Люди очутились перед выбором совсем непростым: куда, с кем и, главное, зачем идти? И выбор осложнялся тем, что поводырей оказалось предостаточно. И все они бряцали оружием. Неверный шаг мог лишить головы.

«Что будет с нами?» – терзались вопросом поселыщики

бедные.

«Что станет с нами?» – вопрошали посельщики побогаче.

«Надо драться с богатеями, отбирать добро!» – горячились первые.

«Надо драться с голодранцами, защищать свое добро!» – убежденно приходили к выводу вторые.

И те, и другие крепко сжимали кулаки, всецело готовясь к кровопролитию, которое не заставило себя долго ждать... И посельщики, которых 25-е октября уже поделило на два лагеря, вскоре одинаково вздрогнули. Спокойной и, как многим казалось, размеренной жизни наступил конец... Взамен пришла гражданская война...

Вечером 25 октября 1917 года в Читу по телеграфу поступили первые сведения о событиях в Петрограде.

Падение Временного Правительства и переход власти к Советам были встречены в Забайкалье неоднозначно.

Состоявшееся в этот же вечер собрание представителей политических партий и общественных организаций должно было определить свое отношение к происшедшему. Представители всех политических партий, кроме большевиков и левых эсеров, резко осудили свержение Временного Правительства и узурпацию власти большевиками.

Через день, 27 октября, вопрос об отношении к новой власти был вынесен на заседание областного Комитета Общественной Безопасности. Большинством в семнадцать голосов против восьми Комитет осудил переход власти к Со-

ветам. Присутствовавшие на заседании большевики уклонились от прений и отказались участвовать в голосовании.

Позднее на заседание прибыли приглашенные члены Читинского Исполкома Советов Рабочих и Солдатских депутатов, и обсуждение вопроса о петроградских событиях возобновилось.

Соотношение сил изменилось, и была принята предложенная большевиками и поддержанная левыми эсерами крайне противоречивая резолюция. С одной стороны, в ней отмечалось, что восстание петроградского пролетариата и гарнизона явилось неизбежным результатом политики Временного Правительства, не осуществляющего основных требований, и призывалось бороться со всей энергией против всяких попыток восстановления низвергнутого правительства, так как такие попытки неминуемо разрушат единый революционный фронт и будут на руку контрреволюции.

С другой стороны, в резолюции обходился вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров, и предлагалось возложить создание новой власти на ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на условиях ответственности этой власти перед ним до созыва Учредительного Собрания.

VII

В окошко осторожно вкрадывался синий, мглистый рассвет. В седой морозной дымке раннее утро. Пора вставать на работу. Ефремка второй месяц слесарил в паровозном депо.

...Прохор Иванович помог. Как-то затемно вечером, после смены, пришел к Ворошиловым. Поздоровался. Присел на табуретку возле горячей печки, помолчал с минуту, словно о чем-то раздумывая.

Мать с сыном переглянулись. В гости, вроде бы, не время. С чем же сосед пожаловал в столь поздний час?

Прохор Иванович кашлянул и обратился прямо к Ефрему:

– Скоро, паря, такая круговерть начнется, а ты главный, стало быть, теперь кормилец в семье. Я вот чего скажу. Иди-ка ты к нам на железную дорогу.

– А как же мельница, дядя Прохор?

– Сейчас зима. Мельница на замке.

Мать с сыном молчали, в ожидании глядя на Прохора Ивановича.

– Скрывать не буду. Мы у себя на железке более-менее осведомлены лучше других. Впереди грядут горячие дела... Даже не дела, а события. Да они уже и начались. Вот, к примеру, в Чите образовалось двоевластие.

– Как это? – удивилась Елизавета.

– А так. Более остальных свою линию гнут большевики, создавшие депутатский Совет.

– Дядя Прохор, а кто главнее?

– Точнее сказать, справедливее и важнее, – поправил Прохор Иванович. – Мы, железнодорожники, считаем, что главнее – большевики. Это же какая силища! Временное правительство опрокинули!!! Но кабы все так просто было...

– И чего же теперь? – Елизавета испуганно глянула на сына.

– Прежняя власть, цепляется за свое, сколачивает силы по России. Помощи просит у капиталистов за границей.

– А для чего?

– Для борьбы с большевиками. Самыми главными своими классовыми врагами.

– И что, война будет?

– Будет. По всей России будет. На западе уже полыхнула. Обожжет и нас. Довелось на днях разговаривать с одним умным человеком. Он проездом через нашу станцию следовал. Приходил в депо. Целый час с рабочими беседовал. Скоро походом в Забайкалье с юга придет атаман Семенов с войском. Душить советскую власть. Поэтому надо создавать красногвардейские дружины.

– Ох, господи, – Елизавета перекрестилась, прижимая одной рукой голову Ефрема к своей груди. – А ведь так и складывается, как Степан перед смертью сказывал...

Елизавета вынула из шкафчика стаканы и блюдца, сахарницу с колотыми кусочками рафинада. Пригласила гостя к столу.

– Не откажусь, хотя и поужинал. Печку протопил. Пришел вот, паря, на разговор с Ефремом, – Прохор Иванович отлил чай из стакана в блюдце.

– Сможет ли он в депо-то? – с опасением спросила Елизавета. – Да и кем?

– Парень смышленный. Другому я и не предложил бы. Определим учеником слесаря. Освоит рабочую специальность. Не быть же ему теперь вечно при мельнице, Только, Елизавета, не обижайся на такие слова. Говорю, что думаю, и думаю, прежде чем говорить... В ремонтном цеху освободилось место. Слесарь один в связи с последними событиями уехал в Читу. Там сейчас в одном из комитетов большим человеком служит. Вот, паря, такие дела...

У Прохора Ивановича две любимые присказки, которые чаще остальных выражений имеют место в его и так немногословной, словно скупой на слова, речи. Это «паря» и «вот»...

По льду заснеженной речки от села до железнодорожной станции километра два с половиной. Для молодых Ефреминых ног не расстояние. Предрасветная морозная мгла. Скоро Крещение. На черном небе мерцают звезды холодным блеском. Ефремка торопится, потирая замерзшие щеки рукавицей.. Хиус жжет лицо. Если светит луна, идти веселее. Тишина. В сильные морозы глухо стреляет, лопаясь, лед

на промерзших перекатах.

Начало станции. В морозном тумане темнеют дома железнодорожников. Крохотные палисадники, огороженные штакетником. Начинаются пристанционные пути, стрелки, каменные строения. Ухают, фыркая под парами, паровозы. В депо тепло. Пахнет угольным дымом. Рабочие, кто за руку, кто кивком здороваются друг с другом. Они немногословны и серьезны. Начало дневной смены. Все собираются в маленьком закутке. Рассаживаются на деревянные, обтянутые дерматином лавки вдоль стен. Мастер цеха доводит до каждого сменное задание. После расходятся по рабочим местам, где их ожидают помощники, то есть ученики.

– Ну что, малой? – говорит Ефремке слесарь-напарник. – Сегодня придется сильно попотеть. В самом прямом смысле. Будем менять задвижку в паровозной топке. Но она еще толком не остыла, а паровоз надо подготовить ко времени выхода в поездку. Если не успеть, сорвется график.

– Ага, – кивает Ефремка, еще ничего не поняв.

– Знаешь, что самое страшное на железной дороге?! – кричит на ухо парню слесарь, когда они приближаются к паровозу, на котором ухают кувалдами, что-то исправляя, рабочие.

– Что?

– Срыв графика движения поездов. Особенно пассажирских.

– А-а, – понимающее опять кивает Ефремка.

– Если собрался работать по-настоящему и долго, то запомни эти слова, – опять в ухо кричит слесарь.

– Запомню, запомню!

– А вообще, какие планы? Почему из села к нам подался?

– Мне знакомый железнодорожник предложил...

– Прохор Иваныч?

– Ага.

– Молодец, что послушал. Прохор Иваныч знает, что говорит... Руки по ночам болят? Привыкнешь, – слесарь одобрительно похлопал ученика по плечу: – Я тоже не сразу освоился. А потом, словно всю жизнь, здесь работал. Главное, во все вникай и запоминай. Что непонятно, спрашивай.

– Учись, учись, – одобрительно говорил Прохор Иванович, – все потом пригодится...

Зима была холодна и голодна. Особенно сказалось на городах. На полках в магазинах шаром-покати. На толкучем же рынке можно купить все. От сахара-рафинада и царской водки до солдатских кальсон и белого хлеба.

На селе все-таки было легче, но разруха в стране и здесь давала себя знать. Порою Ефремке в обед оставалось довольствоваться двумя вареными картофелинами, приготовленными матерью с вечера, ломтиком хлеба да бутылкой молока. Не богаче обед и у Прохора Ивановича. Ели вместе. Кипятили чай. Белили молоком.

* * *

После октября 17-го года большевики в Забайкалье так

и не смогли взять власть во всей своей полноте, уступив меньшевистско-эсеровскому Народному совету. Тем не менее, сложа руки сидеть безропотно они не собирались. Используя агитаторов из числа политических, вернувшихся после отпуска в марте Нерчинской каторги, началась активная организация красной гвардии. Большевики собирали кулак для разгона меньшевиков-эсеров. Уже было назначено и время активных действий, но в это время с запада, с фронта, вернулся 1-й Читинский казачий полк, который в три дня разоружил красногвардейцев.

Советская власть в Забайкалье установилась только в феврале 1918 года. Помощь большевикам в этом оказали 2-й Читинский и 1-й Аргунский казачьи полки, которые, двигаясь эшелонами домой с запада, были по пути политизированы в сторону октябрьской революции. Надо отдать должное все тем же ораторам-агитаторам, коими к этому времени были напичканы все воинские части, включая казачьи.

* * *

«Забайкальские казаки были оплотом российской государственности на самых дальних рубежах нашей Родины. Беспрецедентная смелость, решительность и выучка делали их грозной силой, способной противостоять лучшим подразделениям противника. Забайкальское казачество ведет свою историю с 40-х годов XVII века, когда в Забайкалье появились первые донские и сибирские казаки. Владение территориями в районе озера Байкал открывало новые возможности

для российского государства – это контроль границ с восточными соседями, освоение серебряных рудников, о богатстве которых давно складывались легенды, а также подконтрольность местных жителей – тунгусов и бурятов. Как и раньше, в освоении новых земель главную роль играли казаки. Сибирь, Оренбуржье, Урал были присоединены к Российскому государству руками казаков. Первые остроги по рекам Лене и Ангаре были заложены казаками атамана М. Перфильева, П. Бекетова. Кстати, в числе первых казаков-землепроходцев был знаменитый путешественник и мореплаватель Семен Дежнев. Впервые до Байкала добрались казаки под руководством Курбата Иванова. С этого времени начинается масштабное заселение казаками Забайкалья, установления дружеских связей с туземцами и включения их в состав нового войска. В 1649 году поход Ерофея Хабарова ознаменовался присоединением Приамурья к России, а в 1653 году казаком Петром Бекетовым был построен Читинский острог.

Так приумножалась территория России. Дальнейшее продвижение казачьих войск на восток требовало создания военного оплота на Байкале. Для этого в острогах и городках организуются казачьи полки, а во второй половине XVIII века было сформировано «пограничное казачье войско». Отсутствие официальной границы с Монголией и сложные взаимоотношения с Маньчжурией говорили о том, что в Забайкалье должно существовать полноценное казачье войско. К началу XIX века на восточных границах была выстроена

линия казачьих острогов, а на передовых позициях возвышались «сторожи» – наблюдательные вышки, где круглосуточно несли службу 4—6 казаков. В разведку каждый пограничный город отправлял в степь одну-две станицы численностью от 25 до 100 человек. Таким образом, силами казаков была создана мобильная пограничная линия, которая могла оповестить о подходе неприятеля, но и самостоятельно дать отпор врагу. Но на всю пограничную линию казачьих станиц не хватало. Поэтому российское правительство принимает меры по переселению казаков и других «гулящих» людей из близлежащих городов на пограничную службу. С тех пор количество казаков в Забайкалье резко увеличилось. Официально Забайкальское казачье войско было образовано 17 марта 1851 года. Проект создания войска направил военному министру и государю генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, который вел активную работу по созданию сильного войска на окраинах огромной империи. В основу войска вошли сибирские и донские казаки, бурятско-тунгусские формирования и крестьянское население Забайкалья. Благодаря деятельности Муравьева, в Забайкалье штатная численность войска достигла 18 тысяч казаков. Каждый из них начинал службу в 17 лет, а выходил на пенсию в 58 лет. Вся жизнь забайкальского казака была связана с границей. Здесь он жил, воспитывал детей, служил, охранял, воевал и умирал. Лишь в 1866 году высочайшим императорским указом был установлен срок действительной военной служ-

бы в 22 года. Внутреннее управление войском копировало устав о воинской повинности области войска Донского. Забайкальские казаки принимали участие во всех военных конфликтах на Востоке России: они дошли до Пекина в Китайском походе, отважно сражались при Мукденах и в Порт-Артуре в русско-японской войне, первой мировой. Казаки в темно-зеленых мундирах и желтых лампасах стали примером мужества, их боялись даже японские самураи, которые не решались атаковать отряд казаков без весомого преимущества в численности бойцов. К 1917 году Забайкальское казачье войско включало в себя более 260 тысяч человек, 12 станицы, 69 хуторов и 15 выселок».

VIII

В январе 1918 года атаман Семенов предпринял первый поход на Советское Забайкалье. Весной разруха и голод ещё тяжелее и сильнее донимали людей. Власти объявили боевой клич: «Все под ружье!» Началась запись в Красную гвардию.

В марте стало известно о высадке английского десанта в Мурманске. В апреле – об экспедиционных отрядах Японии, Америки, Англии, Франции, занявших Владивосток. 5 апреля Семенов получил от Японии поддержку оружием, амуницией и начал новый поход на советское Забайкалье. После восстановления Советской власти в Забайкалье велась активная подготовка к вооруженной борьбе с врагами. Пока что внутренними. До японской интервенции, охватившей Владивосток, еще было далеко.

В донесении местного волостного исполнительного комитета Читинской уездной милиции о мобилизации в Красную Армию от 19 июня 1918 года говорилось: «Волостной исполнительный комитет Советов сообщает, что население волости мобилизовано в порядке объявления Военно-революционного штаба Забайкалья и до особого распоряжения остается на местах. По призыву мобилизации подлежат сроки службы 1913—1917 годов включительно. Количество мобилизованных 115 человек. Мобилизация проходила спокойно, ибо население относится к ней сочувственно, в сознании

своего долга перед Федеративной Советской республикой».

По сравнению с прошлым годом весной 1918-го значительно сократились площади посевных крестьянских пашен. В поселках и селах, что у казаков, что у крестьян заметно поредело мужское население. Для пахоты и сева не хватало и лошадей. Их, в основном, реквизировали красные. Ни один их наезд в село не обходился без печальной для посельщиков реквизиции. На продовольствие уводили бычков. Их выводили за околицу, стреляли и тут же торопливо разделывали. Кололи свиней, не дожидаясь осени. Запах паленой щетины тянулся по селу, и на душе людей становилось нехорошо, накатывала тоска. Если по данным разведки выходило, что белые далеко, красноармейцы закатывали гулянку-свеженину, рыская по дворам в поисках самогона или бражки. В этот момент бы кстати появиться какому строгому комиссару в кожаной тужурке, в лице которого селяне видели исконный образ защитника трудового крестьянства. Но на этот случай, как на грех, комиссар не появлялся. И командиры как бы не ощущались. Ставшее на постой войско, именуемое эскадром, превращалось в общую шумную ватагу. Время от времени между собой вспыхивали потасовки, но тут же гасли в пьяном угаре. Похмельным утром примчавшийся дозорный сообщал о близком белогвардейском разъезде, и стонущий эскадрон быстренько менял дислокацию...

У Беломестновых хорошели, взрослея, две дочери-краса-

вицы. Хороши собою! Косы до пояса. Бровки черные, губки алые. У девок, кровь с молоком, играет румянец на пухлых щечках, привораживают нецелованные губки. Нюра в тревоге за дочерей. Чуть услышит топот копыт, кричит, предупреждая:

– Девки, полезайте в подпол, белые скачут! – В другой раз: – Девки, быстро в подпол, красные скачут...

* * *

«С каждым поражением сибирских белогвардейцев партизанское движение ширилось. Росло число питавших его дезертиров. Одно дело – служба с легкими победами, хорошей кормежкой, хорошим жалованием и обмундированием – почему бы не поспасать Россию? Другое дело – идти в отступающую армию на лишения и страдания. Создавались все более благоприятные условия для большевистской, эсеровской и анархической пропаганды – свержение Колчака представлялось все более легким делом. Таежное партизанство становилось все более безнаказанным. С середины лета формирование резервов для фронта оказалось почти полностью парализовано. Сибирская деревня больше не давала солдат. А пополнения, которые удавалось наскрести в городах, целиком поглощались борьбой с партизанщиной. Явлением, противоположным партизанщине, но столь же уродливым и губительным, стала сибирская „атаманщина“, которую колчаковский генерал А. Будберг образно окрестил „белым большевизмом“. Даже на Юге объединение различ-

ных очагов Белого Движения происходило трудно и болезненно. А на огромных пространствах Востока полного слияния таких очагов так и не произошло. Находили компромиссы и объединялись силы хоть и разнородные, но патристические. Однако обширные области остались под властью самостоятельных местных вожаков. Ничего общего с белой идеей спасения России атаманщина не имела, ограничиваясь узкими областническими и личными интересами, будучи порождением того же революционного безвластия и распада – но с другой, антибольшевистской стороны. Самым ярким ее представителем стал Георгий Семенов, 28-летний самозванный атаман Забайкальского Казачьего войска. Его претензии на атаманство основывались лишь на том, что в 1917-м Временное правительство направило его в Забайкалье для формирования ударных казачьих и бурят-монгольских частей. Разбив летом 1918-го красногвардейские отряды Лазо, он сел править в Чите. „Законность“ в Забайкалье определялась только его желаниями и произволом его войск, набранных из казаков, бурят, баргутов и китайских хунхузов. Власти над собой не признавал никакой, став единоличным хозяином территории, включающей нынешнюю Бурятию, Читинскую область и часть Амурской. Впрочем, правление было не совсем единоличным. Большое влияние на Семенова имела его любовница, прогремевшая на всю Сибирь Машка Шарабан неизвестного происхождения. И японцы. Они финансировали Семенова, снабжали его немногочисленную ар-

мию, поддерживали военной силой. Для них такой ставленник на Дальнем Востоке, находившийся в полной зависимости, был выгоднее патриота Колчака, пекущегося об интересах сильной, единой России – их давней соперницы в этом регионе. В результате на Транссибирской магистрали образовалась „читинская пробка“. Семеновцы „досматривали“ поезда, порой, с грабежами. Грузы, следующие из Владивостока в Омск, Семенов пропускал или присваивал по своему усмотрению. Чуть не дошло до открытого столкновения – разбойничьи действия атамана, непризнание им верховной власти Колчак расценил как измену и готов был подавить ее войсками. Но японцы защитили своего протеже, выставив части у Верхнеудинска (Улан-Удэ). Затевать войну с Японией Колчаку было, понятно, не с руки. Вмешались союзники. США, Англия, Франция надавили на Японию, Япония – на Семенова. При международном посредничестве кое-как договорились миром. Семенов признал общероссийскую власть и подчинился ей, а ему простили прошлые грехи и назначили командовать Среднесибирским корпусом, состоящим из его войск, которыми он и раньше командовал».

IX

Работая на мельнице, Ефим часто вспоминал брата. Как бы он теперь воспринял все вокруг происходящее? Ефим ловил себя на мысли, и от нее на душе становилось еще горестней, что Степана больше нет. Ушел Степан из этой непутевой для державы жизни. Ефим надеялся, что со временем станет легче, но легче не становилось, скорее, наоборот. Засыпав очередной мешок зерна в мельничий ковш, Ефим делал перекур и снова вспоминал брата. А потом вдруг вспомнился и шурин: как тот объявился после революции в селе...

Долго размышляли Ефим с Зинаидой над мудреными словами. Что за долг такой гражданский? Пойди, пойми. А мать-старуха повеселела и пошла на поправку. Хоть и обратно покинул сынок отчий дом, но, главное, жив-здоров. Не съела его проклятая каторга. Где он теперь? Какими путями-дорогами мотает шурина его гражданский долг?

Для Елизаветы любимое место в печаль и радость — у мельницы. Вспоминалось, как Степан впервые заговорил о том, что мечтает, пока есть силы и здоровье, поставить водяную мельницу на протоке у излучины реки. С этой целью съездил к Комогорцеву, владельцу мельницы, что досталась тому по наследству. Не один десяток лет исправно служит людям. Проторены дороги с окрестных сел. В казачьей

станции тоже имелась мельница, но до нее около двадцати верст. В поселке же казачьем мельницы нет. Казаки пользуются услугами того же Комогорцева.

Обычно мельницу возводили за два сезона, но Степан сумел справиться за один. Помогли поселщики, не считая брата Ефима. Особенно Беломестновы, всей семьей. Девчонки носили из леса мох и помогали конопатить пазы между бревен в новой постройке. Даже Иннокентий Золотухин принял посильное участие.

– А вы думали, я только по корчагам мастак? – взметнул обиженно брови Иннокентий, когда кто-то при его появлении на протоке присвистнул.

– Шуткуют они, – засмеялся Ефим.

– Шуткуют, – ворчливо отозвался тот. – Горазды однако человека подкалывать.

– Принимай-ка доску, Иннокентий! – Степан направлял тяжелую плаху через верх протенка.

– Давай ее, родимую! – Иннокентий с готовностью вытянул руки вверх, ощущая занозистую шершавость деревянной плахи.

«Однако, гармонику ловчее обнимать», – пронеслось в мозгу.

– Ну, протягивай дальше, на себя! – торопил Степан.

– А ты ладом толкай!

– Давай!

– Ага!!

Дружно, каждый по-своему, чем-то помогал упорному Степану в сооружении мельники, как многие называли на селе мельницу, и дело двигалось скоро и легко.

«Дело спорится, когда сообща на него налечь», – говорил мудрый Прохор Иванович, который тоже в свободное от станционной службы время приходил на стройку. Подставлял плечо под бревно, укладывая его в заготовленный тесный паз, как на лежанку. Через Прохора Ивановича удалось загодя выковать в деповской кузне нужные для мельничного механизма детали.

...Присев на приступок у входа в мельницу, вспоминала Елизавета, словно перелистывая страницы ушедших дней – все, что осталось от той спокойной, ничего худого не предвещавшей мирной поры. Степан не успел построить мельничный двор с просторным крытым сараем или навесом для возов и лошадей помольцев.

Вспомнился Комогорцев, что приезжал в их село по случаю запуска мельницы Наставлял, сидя за обеденным столом, Степана: – Мельник должен отличаться остротой всех пяти чувств. Глаза, нос и язык должны помочь ему определить, насколько хорошо зерно, слух и осязание – оценить, как работает мельница. Кроме того, у мельника должны быть золотые руки, чтобы при необходимости починить поломку, и легкий характер, чтобы хорошо ладить с клиентами. Не стоит забывать, что на мельнице постоянно полно народа и там можно услышать самые последние новости или сплет-

ни.

Самая горячая пора – осенью тогда жернова работают днем и ночью. В покосную пору, когда смолота последняя мука, мельница отдыхает.

Отсюда, с протоки, что бурлит и пенится после дождей, набираясь в достатке в запруду, возведенную на случай безводья, виден краешек кладбища, что на взгорке за березовым колком. Оттуда, где могилка, наблюдает Степан, что происходит окрест. И в первую очередь, как крутится в неторопливости бега водной стихии мельничный барабан, заполняется ларь еще теплой свежей мукой...

* * *

С молодых лет наученный отцом складывать копейка к копейке, наживал Федот Евлампиевич Баженов свое состояние, укрепляя хозяйство. Имел по молодости и семью. Жил себе тихо на отшибе, устроив подобие хутора или заимки. Держал, конечно, и работников. Дети умерли от малярии в раннем возрасте, а потом ушла в мир иной и жена.

«Не дожила, сердечная, до смутных дней, не увидела людского раздора, который принесла революция, – размышлял, слегка успокаиваясь за покойную жену, Федот Евлампиевич. – А как бы теперь поглядел на все это папаня? Что бы сказал? В чем подсказал? Куда и с кем идти теперь, кого держать? К чьим словам прислушиваться и брать их в толк при нынешней-то смене власти?»

Богатыми и зажиточными славились окрестные села в сто-

роне от железной дороги. Казачьи поселки отличались и богатыми подворьями, и женихами, и невестами, честь по чести имеющими приданое и все такое прочее, столь необходимое для того, чтобы в супружеской жизни крепко стоять на ногах. Шумные свадьбы гуляли с размахом по несколько дней. Молодых наделяли крепким хозяйством. Живи – не тужи. Наверное, уж одно это злило и накапливало неприязнь у рабочего люда, перебивавшегося с картошки в мундире на постные щи да ржавую селедку. Коровы, лошади, овцы селян не давали покоя воспаленному воображению начитавшихся прокламаций мастеровых с «железки». Да, любили селяне-казачки хорошо гульнуть и сладко закусить, но умели и по-настоящему работать. Словом, робыли так, что к октябрю на лопатках лопались от потной прели просалившиеся казачьи гимнастерки.

Многие, ранее неведомые, мысли терзали сейчас старика, не находя нужного ответа. Ответов не было. Взамен происходили такие события, свалившиеся на седую голову, от которых порой просто тошнило.

«Не стало житья, взамен пришли жестокость, насилие, страх перед завтрашним днем», – таким представлялся Баженову единственный ответ на все, будь оно неладно...

Лишившись почти всего поголовья скота, Баженов занимался теперь охотой. Работников распустил по домам. Раньше по соседству жили два брата. Младшего в 14-м забрали на службу. Приходили несколько весточек с Австрийского

фронта, но после связь оборвалась. А старший ушел с сыном зимой в начале 17-го в тайгу на охоту и не вернулся. То ли замерзли где, заблудившись, то ли нарвались на медведя-шатуна. Одним словом, сгинули. Тайга она и есть тайга, она всегда покрыта тайной...

Остались жена и дочь Настя. Жена попереживала было, но вскоре слюбилась с одним из приискателей. Подалась с ним в другие края искать лучшей доли. Настя вернулась через полгода с печальной вестью. Матушка простудилась и померла в лазарете, а без нее оставаться там повзрослевшей Анастасии мочи никакой не стало из-за домоганий похотливого отчима. Дядя Федот с радостью принял в дом племянницу. Какая-никакая – помощница по хозяйству. Не чужая. Своя кровинка. Стали жить под одной крышей. Дядя прикидывал, если подвернется подходящий человек, выдать Анастасию замуж, но грянула революция. Она сломала планы.

* * *

По сельской местности змеевидно ползла продрозверстка, оставляя после себя разоренные амбары и пустые от скотины дворы, обрекая на голод и нищету крестьянские семьи. Из волости приехали на подводах конармейцы-продотрядовцы. Обвешанные оружием, они бесцеремонно шарили по двору. Заглядывали в стайки для скота и курятник. Не забывали нырнуть в погреб. Тыча в грудь револьверами, требовали скот, зерно. Ладно бы раз. А то повадились снова

и снова. И всякий раз новые лица. И все они твердили одно и то же: «Отдавай, отец, чего тебе лишнее...»

Приезжие общались, вроде, обходительно, но непременно тыкали оружием. Но может ли считаться лишним то, что горбом заработано? Сгоряча порывался Баженов достать из тайника винтовку, подкараулить конников на глухой дороге и перещелкать мерзавцев за грабеж среди бела дня, но держал себя в руках. Опасался не за собственную жизнь, а за племянницу Настю. Что с ней станет? И ее погубят, и красного петуха пустят на усадьбу.

Посуровели для него дни и ночи. Жаль было расставаться с нажитым хозяйством, так неожиданно расстроенным сменой власти. Старший продотрядовец с гнилым и черным ртом, которого старик после утопил в реке, оказался совсем сволочным человеком. Зачастив на баженовскую усадьбу, все чаще приглядывался на цветущую, кровь с молоком, молодую хозяйку. Облизывая бесцветные тонкие губы, блудливо шарил нахальными масляными глазками по ее точеной фигуре, задерживаясь взглядом на обтянутой кофточкой тугой девичьей груди. Продотрядовец, одетый в штопанный пиджак и затасканные глиняного цвета штаны, перепоясанный ремнем, на засаленном картузе алела маленькая звездочка, недвусмысленно намекал отшельнику-богатею, что спасти положение может исключительно только его племянница. Для пущей убедительности он трогал рукоятку громадного маузера, заткнутого за ремень.

«Мало им моих лошадей да коров. Они, бесстыжие, хотят еще и девку для утехы реквизируют», – задыхался от бес-
силія Баженов.

...До чужого добра многие падки, велик соблазн, трудно устоять. И здесь роли не играет, что надето на башку: буденовка или казачий картуз с желтым или красным околышем. Казаки-то как раз блюдут честь и достоинство. Служилые люди – слуги государева – хранители престола. Тут важно, кто манипулирует казачьим сословием, представляющим собой организованное самостоятельное войско, выражаясь современным языком – вид или род вооруженных сил державы.

Еще по зиме, когда возвращался из тайги, проверив заячьи петли, видел, как рубит лес для постройки мельницы Степан Ворошилов. Как двужильный, трудился посельщик, укладывая в штабель заготовленные бревна.

«Ну-ну, – размышлял Федот Евлампиевич. – Все бы ничего, да только смута черным потоком течет по России. Однако, скоро возьмут мужиков за горло сегодняшние подпольные революционеры. По природе своей они, должно быть, рождены вольнодумцами. Но что они смогут дальше-то делать? С речами своими крамольными? И что ожидает таких, как Степан Ворошилов?..»

X

Гражданская война в Забайкалье носила маневренный характер. Воюющие стороны попеременно то наступали, то отступали. Громящая и лязгающая на поворотах жесткой сцепкой металлических вагонов, бронепоезд «За власть Советов» медленно продвигался по железной дороге на восток. Угрожающе двигались хоботами стволов орудийные башни. К смотровым щелям прижались в напряжении красноармейцы, внимательно изучая прилегающие к полотну окрестности, под каждым кустиком таившие опасность. Позади бронепоезда оставалась изуродованная железнодорожная колея. Если на пути встречался мост, его минировали и без промедления взрывали. Надо было торопиться, наступал на пятки, мятежный чехословацкий экспедиционный корпус. В районе Байкала от наседавших чехов удалось оторваться благодаря пришедшей в голову Сергея Лазо мысли о выводе из строя железнодорожного полотна и мостов. Команда бронепоезда спиливала телеграфные столбы, а проволоку топила в речках, обмотав ею булыжники.

Одновременно по станциям от белых летели телеграфные указания железнодорожной администрации о немедленном восстановлении мостов и стальной колеи, разрушенных большевистскими бандами Лазо. За неисполнение было обещано судить по всей строгости военного времени.

Часть рабочих из числа слесарей, обслуживающих паровозы в депо, была снята и в составе сборной бригады направлена на место восстановления разрушенного железнодорожного полотна. Ефрем в бригаду не попал, но забрали Николая. У того больше производственного стажа, больше опыта и по возрасту он старше.

– Придется, парень, тебе теперь за двоих робить, – коротко объявил мастер Ефрему.

– Ничего, – успокоил Прохор Иванович. – Видишь, как выходит по жизни?.. Сами строим, сами разрушаем и опять строим. Вернее, отстраиваем...

– Как-то не по-людски получается, – толковали мужики-паровозники во время перекура.

– Что непонятного? Все совершенно понятно, – пытался объяснить ситуацию один из самых смелых на язычок рабочих:

– Наши вынуждены пойти на такую крайность, чтобы беляки не смогли догнать по «железке».

– И что, по-другому было никак?

– Значит, никак.

– Только взрывать мосты, корезить путь и пилить телеграфные столбы?

– Ну, товарищ Лазо только тебя и позабыл спросить-посоветоваться.

...Глазам прибывшей на место бригады предстала ужасающая картина. Металлическая ферма железнодорожного

моста между двумя каменными быками, сорванная мощным взрывом, одним концом уходила в воду. В белых бурунах течения, обмывающего искореженные железные балки с надорванными болтами, крутился разный мусор, коряги от деревьев. Накануне прошли проливные дожди, и почти на метр поднялся уровень воды в речушке. Она вышла из берегов. Под разрушенным мостом шумел мощный поток.

Люди столпились у обрыва, с жалостью глядя на искалеченный мост, который приказано быстро восстановить.

– Глаза боятся – руки делают! – напутствовал рабочих бригадир.

* * *

Красногвардейцы, закончив позиционную войну, уходили в тайгу, прибываясь к приискателям, к охотникам-белковщикам, к эвенкийским стойбищам. Латали таежные зимовья, наскоро сооружали в чащобе лачуги из жердей. Обкладывали нехитрые строения травой, получая примитивное жилье вроде сенокосных балаганов. Кто-то объяснял это временной передышкой, необходимой, чтобы набраться сил, спланировать совместный план действий с другими рассеянными по тайге отрядами против белогвардейцев и японцев. Пытались наладить связь со штабами Забайкальских фронтов. Только где теперь искать эти штабы? На огромной территории полная неразбериха. Большинство мужичков ощутило неодолимую тягу попасть домой. Не терпелось узнать, глянуть своими глазами, как там? Сильно со-

скупчились по женам да ребятишкам, брошенным на произвол судьбы. Поэтому партизанщина потихоньку растекалась, разделившись по группкам посельщиков-земляков, ближе к родным сторонам...

А дома с нетерпением ждали возвращения мужа или баяньки, братана или дядьки родные. Недоедали, чтобы сэкономить лишний кусочек мяса или сальца, прятали в дальний уголок подполья бутылку самогона в надежде, а вдруг объявится? Постучит в окошко как-то ночью! Вот радости привалит! Вот счастья принесет! Это же несравненный праздник! Лишь бы только не сгинул, лишь бы только вернулся любимый, милый, ненаглядный, свет в окошечке!..

В конце августа, начале сентября 1918 года в результате наступления чехословаков с запада и семеновцев с юго-востока, Советская власть в Забайкалье временно пала. Начался период гражданской войны с интервентами и их белогвардейскими ставленниками. В августе 1918 года большевистские организации Сибири были вынуждены перейти на нелегальное положение и прибегнуть к партизанским методам борьбы.

Семеновцы объявили о наборе добровольцев. Не мобилизации, а именно, скажем так, добровольно-принудительной записи желающих служить под белым флагом. Конные разъезды летали по селам и поселкам, выявляя семьи тех, у кого родственники воевали за красных. Грозили расправой карателями, беспощадными к большевикам, предлагали записываться

ваться добровольцами в армию атамана Семенова.

Так случилось и с семьей Ефима и Зинаиды Ворошиловых.

– Пожалейте сына, ему всего семнадцать лет, Афоне-то! – кричала, умоляя, Зинаида.

– Если не пойдет, так и знайте, можно и усадьбы лишиться! – злобно грозился тучный фигурой, потный лицом с рыжей бородой вахмистр, размахивая перед Ефимом и Зинаидой зажатой в руке нагайкой. – Покуда добром говорю! Опосля поздно будет! Эй, Сумароков!

– Я, вашбродь! – отозвался худой долговязый казак с винтовкой. Выгоревшая глиняного цвета гимнастерка взмокла под мышками. На смятых грязных штанах бледно желтели лампасы.

– Расскажи-ка им, что случилось с твоими соседями?

– Так, товось...

– Что товось? Поподробнее им втолкуй! – наседал вахмистр.

– Так и есть, что добром не пошел, значит, поселщик мой, Гоха, так одни тока головешки от ихней избы родительской и остались.

– Слыхали? – сдерживая коня, вдруг понизил голос вахмистр.

– Как не слышать, – сокрушенно вздохнул Ефим, а Зинаида, побледнев, закрыла лицо платком.

– Так-то мне! – прикрикнул, снова перейдя на повышен-

ные тона, вахмистр и хлестнул коня по крупу плеткой.

Казак Сумароков перекрестился и пожал плечами, тем самым показывая, что делать, дескать, нечего, надо смиряться с новой властью...

– Ладно, Афонька, не дрейфь, в фуражирах-то не пропадем, – успокаивал парня, готового заплакать, Ванька-вахмистр. – Ты еще разревись, как баба! – он испуганно оглядывался на рыжебородого вахмистра, настоящего вахмистра, на погонах которого нашиты широкие желтые лычки.

Прозвище свое Ванька получил в раннем детстве. Он отчетливо помнит, как почему-то всем взрослым постоянно твердил, что, когда вырастет, будет вахмистром. Может, оттого, что его, безотцовщину, часто задирали старшие ребята. То звонкий щелчок дадут, то глухой подзатыльник. Ванька рос болезненным и хилым. Потому к службе военной, наверное, бы не сгодился. Но мальчуган знал, что вахмистр в казаках – большой начальник, и ему подчиняются остальные. Единственной защитницей была матушка – болезненная, вечно бледная Серафима. Муж, когда Ванька еще в тряпки писался, уехал в город на заработки и сгинул. После очевидцы сказывали, что где-то в кабаке по пьяному делу в драке и полег от ножа очередного собутыльника...

– А почему вахмистром? Есть чины и повыше, – добродушно смеялись, глядя на сопливого сорванца седобородые поселщики, некоторые из которых прошли русско-японскую и имели Георгиевские кресты.

– Не-а, – утирая нос рукавом, – важно отвечал малец, не выговаривая букву «р». – Хочу быть только вахмистлом.

Ну вахмистром, так вахмистром, – добродушно улыбались беззубыми ртами старые вояки-рубачи – бывшая удаль Забайкальского казачьего войска. И ударялись в воспоминания друг перед другом, у кого и какой на ратной службе по характеру был из командиров вахмистр? Кто миролюбивее, а кто на зуботычины мастак?

* * *

Военно-революционный Совет делал ставку по известной схеме, выработанной большевиками еще до Октябрьского переворота, на класс рабочих и крестьян. В Забайкалье эти два класса представлялись в основной своей массе железнодорожным пролетариатом и казачеством.

Листовку с текстом передали в паровозном депо одному из проверенных делом смазчиков, который и доставил воззвание к казакам в их поселок.

«Братья-казаки, капиталисты с помощью поставленных генералов направляют вас против рабочих и крестьян, а мы открыто и честно говорим вам, что советская власть – это есть трудовая рабоче-крестьянская власть, которую мы будем защищать до последней капли крови. Генералы и царские офицеры хотят ее уничтожить, потому что она отнимает у угнетателей народа в лице капиталистов, помещиков и кулаков землю, фабрики и заводы, которые после революции должны перейти в руки рабочих, крестьян и казаков.

Эта черная свора пьет вашу кровь! Запустеют ваши поселки и села, зарастет травой степь, потому что некому будет обрабатывать ее, и в награду вы получите прежнюю царскую власть с ее тюрьмами, виселицами и расстрелами. Это неправда, когда вам говорят, что советская власть отберет у вас землю. Она не отбирается у трудового казачества. Излишки земли возьмут у казаков-кулаков и поделят ее между иногородней беднотой.

Много казаков переходит на сторону советской власти. И не верьте генералам на их посулы вольготной и сытой жизни в случае победы над большевиками. Переходите на нашу сторону, соединяйтесь в рабочим классом. Пусть ваша мозолистая рука покарает всех врагов трудового народа! Переходите на сторону Красной Армии! Вместе будем бить и добивать буржуев!!!»

В январе 1919 года вышла печально известная «Директива о расказачивании». Документ развязал руки новой власти в отношении казаков. Репрессии, переселение с коренной территории, экономический террор – красные не гнушались никакими приемами. В результате за короткий срок численность казаков в России сократилась в два раза.

По мнению многих историков, за расказачиванием стоит один человек – Сергей Иванович Сырцов – председатель Донского бюро РКП (б). Позже – председатель совнаркома РСФСР. Он был убежден, что о никаком сотрудничестве с казаками не могло быть и речи. А «аграрная революция

на Дону должна состоять в полном разрушении экономического базиса казачества». В общем, казаки были для него как кость в горле. В них он видел непримиримых врагов, от которых нужно было избавиться любой ценой. И если когда-то римский политический деятель Катон Старший все выступления заканчивал одной фразой «Карфаген должен быть разрушен», то Сырцов в докладах в ЦК всякий раз упоминал о необходимости ликвидации казачества.

* * *

В конце августа 1918 года на одной из крупных железнодорожных станций Транссибирской магистрали выступал командующий революционными войсками Сергей Лазо. Высокий, горячий, красивый. Его речь звенела ледяным надрывом:

– Пролетарская революция победит, в этом не может быть сомнения. Мы здесь, на дальней окраине, потерпели поражение. Советская власть пала. Отечественным белогвардейцам помогала зарубежная контрреволюция. Без нее мы бы уничтожили белогвардейцев. Я, товарищи, знаю, какой вопрос больше всего мучает вас – что делать дальше? Прежде всего, не падать духом, не поддаваться панике, не терять веру в победу, ни минуты не забывать о борьбе, готовиться к ней, работать в подполье, вооружаться! Власть Советов здесь пала временно. Трудовой народ вновь сплотится, ряды бойцов умножатся в сто крат, и мы опять победим. Да здравствует Советская власть!

На выступление командующего собравшиеся ответили одобрительным шумом и громкими хлопками.

Вперед протиснулся низенького роста мужик в замасленном пиджачишке и закричал:

– Качать командующего!

Но Лазо предупредительно вскинул руку, останавливая душевно-стихийный порыв толпы.

Принесли и поставили прямо на щербатом перроне дощатый столик. Пододинули табурет. В раскрытую тетрадку стали записывать фамилии добровольцев-красногвардейцев. Четверо в разномастной – ни военные, ни гражданские – одежде притащили почти волоком от вагона тяжелый ящик. Утеревшись рукавами, присели прямо на ношу. Подошел человек в потертой кожаной куртке, строго скомандовал. Все четверо поднялись с ящика. Выдергой скovyрнули крышку. Развернули замасленную желтую бумагу. Из-под нее блеснули вороненые стволы винтовок.

К столику выстроилась очередь. Записавшись в тетрадке и там же расписавшись, мужики подходили к раскрытому ящику. Получив винтовку, пока еще без патронов, красногвардейцы направлялись все тем же строгим человеком в кожаной куртке к товарному вагону, где происходила выдача риса добровольцам. По два пуда на человека.

Вечером из форточек многих квартир железнодорожных казарм тянуло запахом вареного риса. Ребятишки сглатывали слюну, заглядывая голодными глазенками на раскален-

ную печь, где в кастрюле прела каша.

– Добрый винторез. В тайге сгодится, – любовно поглаживал гладкий приклад, цевье, ствол кое-кто из добровольцев-красногвардейцев. – Только бы патронов разжиться теперь. Обещали, правда, дать. Тогда и на охоту не грех сбегать.

– Да, паря. Таким винтом любую животину можно положить. Ни один сохатый не убежит, – цокал языком, восторженно глядя на предполагаемую кормилицу собеседник. – Только бы насчет патронов сдержали слово.

– Обещали, значит, дадут. Куды денутся, коли беляк прижмет?

– И что? В своих стрельнуть можешь?

– Каких своих?

– Ну, ежели сосед твой Куприян или вон кум Митяй повстречаются. Говорят же, что оба они у Семенова...

– Не знаю, – пожал плечами доброволец.

– А ежели не знаешь, зачем записался в отряд самообороны?

Все стали записываться и я записался. К тому же рису вот отвалили.

– Что же, из-за рису теперь голову подставишь?

– Может, еще обойдется.

– Ага, обойдется. Придут семеновцы или японцы, куда бежать с твоей винтовкой без патронов? Если в сопки, то там тоже нечего делать с пустым оружием. Тоже боеприпас ну-

жен.

– Поживем – увидим.

Оба замолчали.

– Ладно, пойдем кашу есть, вон баба уже мисками стучит.

– Пойдем, отведаем твоей кашки. Лишь бы только из того риса кутья не получилась.

– Сплюнь, не каркай...

* * *

В лобовой рубке конников атаку казачьей лавы красные не всегда выдерживали. Вчерашние шахтеры, железнодорожники, крестьяне в большинстве своем могли более-менее держаться в седле и вертеть по сторонам шашкой. До казачьей выучки им было далеко. И тогда это напоминало избиение младенцев. Другое дело, когда белые казаки сталкивались с красными казаками. Начиналась настоящая рубка, достойный массовый поединок, конно-сабельная дуэль.

* * *

...Лазо бился с атаманом Семеновым полгода, но так и не смог его победить. Он несколько раз оттеснял его в Манчжурию, но затем атаман вновь переходил в наступление и гнал Лазо на север.

Жестокий бой отряды Лазо испытали на реке Куэнге. Белоказачьи сотни, почти полностью сформированные в одном из близлежащих сел, частью перебили пулеметным огнем, частью порубили шашками оба полка красных. Последний резерв Лазо. Жалкие остатки рассеялись по перелескам,

спрытались в дальней чаще, начинавшейся к северу.

Не спавший двое суток, обросший густой щетиной, Лазо в ярости скрежетал зубами:

– Вернусь, сожгу село, белоказачью рассадницу, до тла...

А летом, зажатый в клещи между Семеновым и чехословаками, Лазо покинул Забайкалье.

* * *

В июле 1919 года, когда Красная армия на Восточном фронте, освободив Урал, подошла к границам Сибири, ЦК РКП (б) принял по вопросу сибирских партизан развернутое решение, предусматривающее, что партизанские отряды должны немедленно установить связь между собой, координировать свои действия и переходить к централизованному командованию. Но процесс оказался сложным и длительным. Реорганизация затянулась вплоть до января 1920 года, когда в результате освобождения Красной армией Сибири войска партизан были расформированы. Но первоначально партизанские отряды сводились в полки. Партизанские войска лишь внешне напоминали структуру Красной армии, которая комплектовалась по классовому принципу в порядке мобилизации. Партизанские отряды возникали в районе боевых действий и формировались из добровольцев, которых подбирал лично командир. Добровольность – один из главных партизанских принципов.

В Красной армии комсостав назначался приказами сверху. Командный состав партизан состоял из тех, кто со-

здавал отряды. Господствовал принцип выборности. Решающее значение имели не теоретическая подготовленность и не бывшие чины и звания, а проявленные на деле организаторские и командирские способности, популярность среди бойцов.

Комиссары в партизанских отрядах были в виде исключения, и сплошь и рядом они не были членами партии, что объясняется малочисленностью подпольных большевистских организаций. Редким исключением были в партизанских отрядах и партийные организации. Не было таких органов, как военные трибуналы, особые отделы, несущие наряду с политотделами ответственность за поддержание боеспособности в армии.

Основной тактической единицей забайкальских партизан так и остался до конца отряд.

Партизанское движение носило очаговый характер. Если приходилось уступать неприятелю, то партизаны отступали в соседние уезды или в непроходимую, недоступную войскам тайгу. Стоило войскам уйти, как партизаны возвращались на свои места и, как подчеркивали белогвардейские администраторы, «история борьбы с ними начиналась сначала».

Это была система сопротивления, не предусматривающая широких и активных военных действий. И даже в тех случаях, когда партизанам приходилось вести боевые действия в составе соединений, приказы были проникнуты духом ак-

тивной обороны. Никакой речи о ведении маневренных операций не велось. Партизанам редко ставились задачи, выходящие за пределы района их пребывания. Этим объясняется тот факт, что значительный численный рост партизанских отрядов так и не привел к качественному изменению партизанских сил, к применению новых форм и способов борьбы. Но выигрышные моменты у забайкальских партизан, бесспорно, были. Партизанские отряды значительно уступали белым регулярным частям при ведении огневого боя. Против пулеметов, винтовок и артиллерии трудно было бороться с дробовиками, охотничьими ружьями, пиками или же имея по десятку самодельных патронов на винтовку. Компенсировать эти недостатки удавалось при обстоятельном знании местности, всех условий обстановки и умелом их использовании.

Партизаны выигрывали всегда, когда в основе их действий лежала не огневая, а ударная тактика, когда решающее слово принадлежало ночному бою, внезапным атакам с тыла и с флангов. При этом у партизан было много преимуществ: связь с местным населением и его поддержка, отсутствие громоздких обозов и растянутых коммуникаций, маневренность вне поля боя.

Основной и самой простой задачей, с которой забайкальские партизаны справлялись наиболее успешно, была их боевая деятельность на Транссибирской магистрали. Почти наполовину она пролегла в районах мощного повстанче-

ско-партизанского движения. При этом тактические условия местности благоприятствовали налетам, порче железнодорожного пути и так далее.

...Тем не менее, времена дикой партизанщины заканчивались. Наступала пора выходить из тайги и действовать по широкому фронту на основе регулярных частей Красной Армии. Но не все торопились это делать. Почти все охотничьи зимовья и особенно дальние заимки были переполнены партизанами. Таежная вольница не отпускала. Свежий и чистый воздух, не порченный пороховой гарью, кружил голову. Еда была. Из тех же отбитых у беляков обозов с продовольствием, своевременно и запасливо припрятанного в надежных местах. Сейчас эти припасы были как никогда кстати. Стреляли зверя. Разделявали и большими кусками варили в казанах на костре. Пригодилась и амуниция, обмундирование из тех же интендантских трофеев... Имелось и выпить, от спирта до коньяка.

Сложнее всего было удержать партизан от мародерства. Бирюков знал об этом еще по признаниям пленных каппелевских офицеров. Вспоминая свой «ледяной поход» вдоль Транссибирской магистрали на Иркутск, идя на помощь адмиралу Колчаку, офицеры с ужасом говорили о диких партизанских набегах на отставшие от строевых частей интендантские обозы с продовольствием. Они становились легкой добычей для «варнаков из тайги» в косматых шапках, перевязанных красными ленточками.

– Чего, малой, вздыхаешь? Изворочался весь. Спи давай, – ворчал пожилой партизан на молодого, прикуривая от уголька из печки, сложенной из дикого камня возле сколоченных из сосновых плах двухъярусных нар.

– Силы нет. Девку бы... Хошь рябую, хошь конопатую, хошь вместе взятую...

– Ты партизан или кто? Терпи. С беляками покончим, будет тебе девка и с конопушками, и с рябушками.

– Дак это когда ишо покончим. Щас охота...

– На-ко лучше покури. Табачок знатный из недавнего белого обоза.

– Уйди ты со своей соплей.

– Это почему же соплей?

– Ты всегда самокрутку мусолишь, черт губастый.

– А за губастого можно и по мордасам враз схлопотать! – начинал громко вскипать старший приятель.

– Вы там скоро кончите кудахтать?! – спросонья заругался из темного угла нар один из сослуживцев. – Затыкайтесь-ка оба! Мне в дозор идти, а вы спать не даете. Вот завтра пожалуюсь Бирюкову, он вам быстро девок пропишет...

XI

Вокзал окутан клубами молочного густого тумана, смешанного с угольным дымом, который черными потеками стелется по земле. В горле першит, и хочется пить. Вода в титане теплая с легкой ржавчиной. Холодную можно набрать только с водонапорной башни. Но никому не хочется идти по такой скверной погоде.

На железнодорожных путях пыhtят разгоряченные, прибывшие с перегонов паровозы. Готовятся к заправке углем и водой. На перроне тускло светят фонари.

Машинист в почерневшем от копоти и смазочного масла кожухе и кожаной шапке. Высунув голову из паровозной будки, он смотрит на свой состав с японцами, преодолев плечо в полторы сотни километров с восточной железнодорожной станции. Фыркающая густым паром, паровоз стоит на первом пути напротив водокачки. Состав из одного классного вагона для офицеров и нескольких теплушек для солдат прибыл ранним вечером, когда на небе проклюнулись первые звезды.

Широкозубые японцы подстрижены под ежик. Слышны гортанные отрывистые команды. Солдаты, сначала рассыпавшись у теплушек, быстро построились в две шеренги. Чужая речь резала слух. От нее веяло чем-то чужим и враждебным. Железнодорожникам становилось не по себе.

По внешней манере интервентов видно, что они с первых шагов на незнакомой для них железнодорожной станции ведут себя как хозяева, абсолютно презирая местных жителей.

– От этих косоглазых, однако, лучше держаться подальше, – посоветовал Николай, обращаясь к молодому напарнику.

– А что, беляки лучше? – спросил Прохор Иванович.

– Они все ж таки русские.

– Хрен редьки не слаще. Посмотрел бы ты, паря, что они с пленными партийцами делают.

– Этим все равно. Партиец или нет. Кишки на штык наматывают и, как звать, не спросят. Вишь, как винтовками машут. Штыки широченные. Мясо рубить такими штыками...

– Тише, Николай. Дались тебе эти штыки...

– Что, теперь и язык проглотить?

– Вы чего тут митингуете? Марш по рабочим местам! – строго приказал подоспевший мастер цеха. – Накаркаете на свой хребет. Ты-то, Прохор Иваныч, чего? Что? Нехорошо?

– Да уж чего хорошего.

Николай с Ефремом поспешили к своему паровозу, а мастер задержался около Прохора Ивановича.

– Думаешь, дрянь дело? Я, честно говоря, не ожидал, что до япошек дойдет. Видать, дали наши жару белякам. За помощью побежали. Теперь вот приперлись инородцы... Со своим уставом в чужой монастырь.

– Видно, так, – согласился Прохор Иванович, поглаживая грудь правой рукой.

– Что? Сердце? – встревожился мастер. – Ты покудова посиди, не торопись за молодыми. Не расстраивайся шибко. Если все занедомагаем, так и работа встанет. Как бы то ни было, железку обслуживать надо. Может, оно еще и пронесет. Всякое в России бывало. И монголы налетали, и поляки с французами наступали. Однако, ничего. Отбили. Выжили. Надо потерпеть.

– Только вопрос имеется.

– Какой?

– Сколько терпеть-то? Господь терпел и нам велел?

– Ну, Иваныч, – мастер развел руками. – Ты все равно попридержал бы язык...

Известие о японском эшелоне опечалило всех. Одно дело – беляки, но все-таки они свои, русские. А чего ожидать от интервентов? В сознание людей вселился страх. Железнодорожники, обслуживающие станцию и депо, старались не попадаться на глаза японским патрулям. Зловеще поблескивали отточенные с обеих сторон штыки, заставляя сжиматься сердце...

* * *

После ужина Кеха Золотухин доплетал корчажку. Расположился на лавке у печи. На полу у ног насыпан ворох тальниковых прутьев Фроська убирала со стола грязную посуду. В кухонное оконце тихонько постучали. Фроська будто жда-

ла. Набросив шаль на плечи, поспешила в сенцы. На крыльце дожидался, пока откроют, скрытый темнотой человек.

– Здрасти! Привет от Бирюкова...

– Здрасти-мордасти!

– Хлеб кончается.

– Понятно.

– Заберу, как всегда. Ну, я пошел, – заторопился человек.

– Подожди, – Фроська вернулась в дом. Завернув каравай в тряпицу, вынесла на крыльцо. – На-ко пока гостинец, поди совсем отощали?

– Маленько есть. Последний сухарь догрызли.

– А чего долго не приходил?

– Вражина шурудит. И конные беляки, и пешие япошки.

Понапрасну пошто тебя риску подвергать?

– Ладно. Иди. Осторожно. Товарищу Бирюкову тоже привет!

– Спасибо и на том, – взяв гостинец, человек растворился в темноте.

Отложив корчагу, Кеха подошел к окошку и, отдернув шторку, ткнулся носом в холодное стекло, силясь разглядеть что-то в такой-то темени.

Когда стукнула калитка, Фроська набросила крючок и вернулась, застав мужа за прежним занятием. Не глядя на жену, тот молча ощупывал округлые бока корчажки. Бывало, мужики, оценивая по достоинству рыбацкое изделие, искусно сработанное руками Кехи, переговаривались:

– Эка ловко плетет! В такой корчаге небось рыбке самой погостить охота.

– А вы думаете, что Иннокентий мой только по гармонике мастак? – встревала в разговор Фроська. – Он и по другим делам толк знает.

Мужики начинали гоготать.

– Вы об чем это подумали? – наступала на тех Фроська. – В краску вогнать пытаетесь? Ничего не выйдет.

– Бронебойная ты баба.

– Какая есть.

– За тобой Кеха, как за броней и есть.

– А вам, гляди как, завидно! Ладно, хорош лясы точить.

Нам дела делать.

– Знамо, какие...

– Вы опять за свое?! А ну, как вас лопатой по хребту за ваши подколки?!

– Ладно-ладно, и пошутковать нельзя.

– Шуткуйте шутки со своими бабами...

Мужики неспеша тушили докуренные сигарки и расходились, продолжая немудреный мужицкий треп.

* * *

...При виде чужаков пес загремел цепью, но тут же забился в конуру, наверное, почуяв своим собачьим чутьем смертельную угрозу. Нагрянули японцы с обыском. До этого побывали у Елизаветы и Ефима с Зинаидой Ворошиловых. Ничего не нашли.

– Нюх у них, что ли? – Фроська испуганно прижалась к мужу.

– Сыбка многа хлеба где? – японец раскосо разглядывал кухоньку. Затем заглянул в горницу.

– Ага, еще под подушками пошарь, – вдруг осмелела Фроська.

– Где хлеба много сыбка? – повторил вопрос японец, обнажая крупные, как у лошади, передние зубы, почему-то переставив слова в обратном порядке.

– Здеся вот, в брюхе! – похлопала себя Фроська.

– В зивоте? – удивился японец и тоже похлопал по цевью винтовки за плечом. – Мозит, посмотрим? – Качнулся широкий штык.

Вышли на улицу. Второй японец вышел из зимовья, брезгливо зажимая нос от запаха куриного помета.

– Фу, какие, гляди-ка, япошки благородные, – заметила Фроська оцепеневшему от происходящего Кехе. Тот знал, что запасенный хлеб – целый мешок – спрятан в подполье. Японец не догадался отвернуть половичок. У них на родине подпольев, слава богу, поди, не имеется. Фроськины слова были сказаны довольно громко. Тот, что у зимовья, услышал. Невозмутимо подошел совсем вплотную к женщине и словами на чистейшем русском – «это тебе за япошек» – вlepил Фроське звонкую пощечину.

– Ах, – ошеломленная не столько пощечиной, сколько русской речью, Фроська дернулась назад, сжимая кулаки и на-

тыкаясь на первого японца. Тот судорожно сдержнул с плеча винтовку и проворно отскочил в сторону.

– Что? Бабу безоружную стрелять?! – Фроська яростно рванула кофточку вместе с нижней рубахой, обнажая налитые, как спелые груши, груди. – На!!!

Невозмутимость покинула японца, шевельнулись плоские, прежде будто железные скулы. В сознании его, видимо, вспыхнули какие-то ассоциации и он сдержанно гортанно что-то сказал напарнику. Тот, вытаращив глаза, ни бельмеса не понимая, что к чему, держал наизготовку свою «ариксу».

К счастью, все обошлось. Японцы ушли, оставив за собой раскрытую, как при покойнике, калитку, а Фроська, чувствуя, как вдруг обессилели ноги, опустилась на ступеньку крыльца.

– Вот же косоглазый, – выдохнула она и заплакала.

– Ладно, тихо-тихо тебе. Слава богу, все обошлось, – прорезался, наконец, голос у Кехи. Он сидел рядышком и, прижимая к себе жену дрожащей рукой, вытирал ее слезы своим рукавом, тоже повторяя: – Ладно, тихо, все ведь обошлось...

* * *

Пышные кроны тополей и пахучие ветви черемушника сливались в единую темную массу, окружавшую избы. Ночь плотно укрыла землю черным одеялом. С тех пор, как перестали собираться шумные молодежные вечорки, замолкли гармоники и балалайки, тишина опускалась на село с первыми сумерками. Лишь залают где-то встревоженные чем-

то собаки, замычит протяжно корова в хлеву, видно, чувствуя скорый отел. Далеко вспарывается ночь топотом копыт. Неведомые всадники – то ли белые, то ли красные – то ли кого догоняя, то ли от кого убегая, промчатся по селу и утихнут за поскотиной.

XII

Прохор Иванович и другие рабочие депо, среди которых встречались первостроители Транссибирской магистрали, не одобрили методы Лазо в смысле подрывов мостов и порчи железнодорожного полотна.

– И как теперь все это налаживать? – чертыхался пожилой кочегар паровоза, раскуривая толстую самокрутку от крохотного тлеющего уголька, прихваченного плоскогубцами. Локомотив стоял под парами. Скоро выезжать на линию.

Через час поступило распоряжение направить часть деповских рабочих в только что сформированную бригаду, которая займется восстановлением разрушенных железнодорожных путей.

Прохор Иванович в эту бригаду не попал. Оставили на деповских стрелках. На ремонт полотна отправили тех, без кого временно можно было обойтись в депо.

Мужики ругались, ломami сталкивая под откос покореженные рельсы и расщепленные взрывом шпалы. Кирками яростно долбили грунт, выравнивая площадку. Восстанавливать железную дорогу – что жилы тянуть из человека. Строить – одно дело, но восстанавливать – совсем другое. Может быть, красным командирам следовало найти иной способ, чтобы остановить продвижение на восток многочисленных эшелонов мятежного чехословацкого корпуса? Не такой

варварский, как рвать динамитом мосты и тоннели, рушить железнодорожную насыпь и спиливать телеграфные столбы, дабы лишить противника еще и связи.

В этот день в белом штабе за ужином велся примерно на эту же тему разговор.

– Одно слово, варвары. Сами строили, сами разрушают! – возмущался, качая головой, один из семеновских офицеров, прикуривая от протянутой зажженной спички однополчанина папиросу. – И кому только такое могло в башку прийти – взрывать мосты. Сами-то большевики, что, по воздуху собираются летать? Фанатизм! Друг мой, дикий фанатизм!

– Точнее, господин есаул, идиотизм, – поправил офицера штабс-капитан Яхонтов, человек порывистый и нервный.

– А что вы, дорогой Икомата-сан, думаете по этому поводу? – обратился он к японцу, хорошо понимавшему и говорившему по-русски, но до сих пор молчаливо следившему за ходом разговора.

– Да, господин майор, скажите, наконец, что вы думаете по поводу происходящего?

Японец живо востребовался, но через пару секунд снова обрел восточную степенность, присущую его крови хладнокровность и спокойствие.

– Большевики, очевидно, считают, что для достижения цели все средства хороши... В настоящий момент им прежде всего необходимо задержать чехов, продвигающихся к нам на помощь по железной дороге с запада. Любой ценой, но за-

держат! Красные выдыхаются. Это очевидно и потому логично думать, что они предпримут в дальнейшем следующие непредсказуемые действия. Какие – покажет время. Именно непредсказуемость красных можно считать их главным козырем в нашей взаимной борьбе...

Широкое скуластое лицо майора стало злым, а глаза блеснули колючей искрой.

Есаул решил сменить тему разговора. Он подошел к столу, бережно взял бутылку с яркой наклейкой и разлил в хрусталь вино. Поднял бакал.

– Мы, спаянные единой великой целью, не пожалеем сил, чтобы вернуть многострадальной России спокойной и мирной жизни и избавить ее от коммунистического рабства. И не будем, господа, предаваться злословию и взаимным упрекам. Так, поднимем же за это бокалы, господа! Я пью за нашего верного союзника и друга, за могучую империю восходящего солнца!

Икомата-сан обмяк выражением лица, хитро сощурившись, он молчал. Умеют же мол эти русские так красиво говорить. Не от того ли захлестнула многострадальную Россию эта революция? Да, у большевиков есть идея, которая овладела массами. Их вождь Ленин именно так и сказал: «Идея становится реальной, когда она овладевает массами». Большевики дали землю крестьянам. У белых такой идеи нет... К тому же красные берут численным превосходством, белые опираются на служилую выучку, упорно сопротивляясь

и защищая то, что им принадлежит по праву. Так пусть же, в конце концов, русские бьются между собой: красные рубятся с белыми, пока не перебьют друг дружку...

* * *

Всю ночь, зажатый между скалистыми сопками, свирепо свистел ветер, ища выхода на волю и обрушиваясь на притулившиеся к обрыву домишки. Ветер гнал вихрящиеся снежные смерчи. На рассвете все стихло в природе. Над щетилистыми сопками брызнул первый солнечный луч. Выплыло яркое солнце.

Навстречу атаке звенел стальной дождь. Небо будто тряслось и приседало от слившихся в один гром разнобоя выстрелов, криков, истерического татаканья пулеметов. Красные цепи наседали одна за другой. Белые, бросая оружие, бежали в тыл, ко второй линии своих укреплений. Но откуда-то с флангов, где должны обороняться японцы, по ним ударили пулеметным свинцом. А где же вы, союзнички? Или растворились в непогодной прошедшей ночи?..

...В течение полугода мельница Ворошиловых становилась пулеметной точкой то для белых, то для красных. Позиция выгодная. Установленный здесь станковый пулемет держал под прицелом близкий брод через речку. Бывало, совсем близко разгорается бой. Обе стороны атакуют – отступают. А жернова равномерно скользят друг о дружку и мерной струйкой течет мука, заполняя доверху и переполняя ларь...

– Подавить! – орал, кувыркнувшись с подбитого коня, подьесаул Елифанов, когда захлебнулась атака сотни, что с гиканьем пошла наметом на этот берег. – Скольких хлопцев положили краснопузые!

– Ваш благородь, что с мельницей делать? Может, петуха красного запустить?

– Давай! Впрочем, отставить! Пускай она стоит. Еще самим пригодится, когда с коммунарами управимся!

...Когда все стихло, откатились в стороны и красные, и белые, рядом с чудом уцелевшей мельницей утешал перепачканного сажей Ефима жеребенок. Несколько недель от роду он потерял мать. Ее сразило во вчерашнем бою. Жеребенок искал утешения у человека, а тому ничего не оставалось, как поделиться горечью душевной с невинной животинкой. А та, сиротинка, мягкими губами трогала пропахшее дымом плечо Ефима, обдавая его лицо теплым дыханием...

* * *

...Еще в конце лета 1919 года атаман Семенов перебрал все свои казачьи полки в Восточное Забайкалье, отказавшись от активных военных действий на Амурском и Верхнеудинском направлениях, и осел в Чите, где установил военную диктатуру. Его военная мощь значительно усилилась, когда на исходе зимы 1920-го года закончила свой поход от Омска до Читы 30-тысячная армия генерал-лейтенанта Каппеля, любимца адмирала Колчака. Где-то за Нижнеудинском сани, в которых ехал Каппель, провалились в быструю

горную реку Кан и через три дня он скончался от воспаления легких. Смерть Каппеля устраивала атамана Семенова, так как армия генерал-лейтенанта переходила в его распоряжение. Но более всего Семенов был рад тому обстоятельству, что он стал полноправным и единственным хозяином части золотого запаса российской империи, которую привезла армия Каппеля.

К тому же смерть Каппеля вынудила адмирала Колчака буквально накануне своего ареста назначить атамана Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока.

К лету 1920-го года Семенов получил всю полноту гражданской и военной власти в Забайкалье, которая в первое время была довольно сильной и популярной в народе.

В Чите даже стали производить папиросы «Атаман». На коробке красовался портрет Семенова в бурке и огромной барсучьей папaxe, из-под которой смотрели глубоко посаженные маленькие глаза монголоидного типа. Он имел бурятские корни, хотя родился и вырос в среде ононских казаков на юге Забайкалья близ границ с Монголией.

* * *

С улицы послышался неясный шум. Фыркнула лошадь. Застучали в калитку. Соболек зашелся громким лаем. Испуганная Елизавета выглянула в окно и тут же задернула занавеску – Кто там, мам? – Ефрем поднялся с табуретки и направился к двери.

– Стой! Не ходи! Семеновцы, – выдохнула, чуя недоброе, Елизавета.

Ефрем замер в нерешительности. Дверь распахнулась.

– Здравствуйте, хозяйева! Мир вашему дому! – бодро приветствовал женщину и юношу, сняв фуражку, молодой высокий подхорунжий. Волосы расчесаны сбоку на пробор. Лицо круглое, чисто выбритое, со светлыми бровями. От офицера пахло тонким цветочным одеколоном. Его сопровождал казак с тонкой лычкой на погонах.

– Здравия желаю, – нашелся чего ответить Ефрем.

– Да вы не бойтесь, – совсем по-простому успокоил семеновец. И только улыбка казачьего офицера привела и мать, и сына в нормальное чувство. А слова «мир вашему дому» и вовсе повергли их в полное смятение.

– Просим к столу, – пригласила хозяйка, показывая на табуретки.

– Вы Елизавета Ворошилова? – спросил подхорунжий.

– Я.

– Швея?

– Да.

– Неси! – коротко приказал он казаку.

– Есть! – козырнул тот и поспешил на улицу.

Офицер прошелся по кухне. Сделав несколько шагов, остановился со словами:

– Ничего-ничего. Надо потерпеть. Совсем немного осталось. К весне закончим с большевиками и заживем. Зажи-

вем, – повторил громче и уверенней. – Хорошо заживем! Без войны, без крови, без бед.

Хозяева смотрели на офицера.

В сенях протопали шаги. Появился казак, обнимая изогнуто-покатые бока фанерного футляра швейной машинки. Поставил на стол. Откинул футляр.

– Вот! Система «Зингер»! Самая новая, – офицер бережно провел ладонью по крутой черной лаковой шейке машинки. – Подойдите ближе.

Елизавета приблизилась к столу, не сводя глаз с машинки.

– Будете заниматься шитьем фурнитуры для добровольческого отряда. Приказ генерал-лейтенанта Семенова. Силком мы мобилизацией не занимаемся, тем не менее, на вашей территории в скором времени будет вновь произведена запись добровольцев. Мануфактурой вас обеспечат. Привезут образец нашивки Так вот... Надеюсь, согласны? – офицер пристально посмотрел на хозяйку. Та качнула головой, дивясь новенькой машинке. Была у нее и своя старенькая, но сломалась. Давненько не сидела она за шитьем. Только интересно, кто же надоумил-то офицера привезти заказ именно ей.

– Ну и чудненько, – подхорунжий провел пальцем по тонким усикам и надел фуражку. – Да, вся работа будет оплачена, – добавил он и вышел в сени.

– Эка вам подфартило! – хитро подмигнул хозяевам казачок и поспешил за командиром.

Долго не могли прийти в себя ни Елизавета, ни Ефрем, сначала серьезно напуганные, а после удивленные причине неожиданного визита белых в их дом.

– Сынок, надо бы сначала посоветоваться с кем-то?

– С кем?

– Может, с Прохором Иванычем? Он-то человек знающий, опытный...

– Я не знаю, мам.

– Нет, надо к нему сбегать. Позови, пускай придет.

Прохор Иванович вскоре пришел и рассудил так, что надо заниматься шитьем.

– А как иначе поступить? Отказаться – себе дороже. Не шуточки ведь. Это с виду беляк такой ласковый вам показался, – рассуждал неторопливо Прохор Иванович, – а ну, как воспротивишься, так и он по-другому себя поведет.

* * *

– Ты нас шибко-то не пугайся, девонька, – всадник постарше в казачьей форме придерживал разгоряченного коня.

– Не знали, что повстречаем такую бравую деваху, а то бы побрились! – ощерив в улыбке белозубый рот, склонился с седла всадник помладше.

Подшучивая, всадники, оттесняли Настю с дороги в густые посевы ржи.

– Да ты никак брезглива к семеновским хлопцам?

– Может, она только красных предпочитает?

– Батянька, случаем, не комиссар?

– Семеновские хлопцы бьют красных, а не пристают к девушкам. Вот кабы к вашим сестрам кто бы так задомогался?!

– Как это не бьем красных? А кто это третьего дня ихний отряд в пух и прах растрепал?

– Где же это?

– Где, где! На станции. Ты что, девка, не слыхала ишо разве?

– Ишо не слыхала.

– Замужем иль невестишься? – уже миролюбиво спросил молодой казак. – Да не бойся, не дрожи, не тронем. Мы же понимаем. Мы ведь тоже братья кому-то...

– Есть жених, – соврала девушка. – Где-то у вас и служит. Может, и знаете? Ванька-вахмистр, – назвала наугад знакомое имя.

– Вахмистр? А почему Ванька? А как фамилия?

– Постой-ка, – всадник постарше указал плеткой на дорогу. – Кто там?

Приближался казачий разъезд.

– Кажись, наши, – обрадовались оба.

– Конечно, наши, а кто же еще? – осмелела девушка. – Вы же сами сказали, что всех красных разбили!

– Цыц, дура! – всадники стали разворачиваться навстречу разъезду. – Здравия желаем, господин подхорунжий! – казаки взяли под козырек.

– Кто такие? – строго спросил молодой офицер, бросив сдержанный взгляд на девушку.

– Фуражиры мы, ваше благородие.

– Ну, так фуражируйте, чего шляетесь, людей пугаете? Это что за девица-красавица? – подхорунжий опять бросил теплевший взгляд на бледную лицом девушку. – Они что, приставали к вам?

– Нет, господин офицер, только спрашивали дорогу на село.

– Чего ее спрашивать? Эта дорога и ведет туда. Две версты до деревни. Все, ступайте! – приказал фуражирам. Те молча выехали на дорогу. Хлестнув лошадей плетками, поскакали в сторону, откуда подъехал разъезд.

– А вы откуда и куда? – спросил подхорунжий...

– Я с покоса напрямки. Батяня сенокосит, я за харчем домой.

– Ну-ну. И никого не бойтесь.

– Я и не боюсь.

Офицер поправил фуражку: – Ступайте тоже. Отец, наверное, уже заждался.

XIII

Слава и благополучие атамана Семенова были недолгими: уже к началу осени 1920 года произошли события, изменившие военно-политическую ситуацию в Забайкалье. Красная Пятая армия теснила белых с запада на восток вдоль Транссибирской магистрали. Забайкальские и амурские красные партизаны били с флангов по коммуникациям белых, лишая их боеприпасов, продовольствия, фуража и прочего интендантского имущества. Тем самым они заставили отступить войска, защищавшие Читу. Главный сподвижник барон Роман Урнгерн фон Штенберг покинул Семенова и направил свои войска в Монголию, захватив ее столицу Ургу. После этого барон во главе своей Азиатской дивизии вторгся на территорию России, но его войска были разгромлены Красной армией, а самого Урнгерна Сибирский ревтрибунал приговорил к расстрелу. Но все это случится несколько позже, а пока Забайкалье продолжало пылать огнем гражданской войны...

* * *

«После Октябрьского переворота 1917 года Дальний Восток – одна из самых сложных территорий России, где накопилось множество проблем.

Большевики хотели сохранить территорию в составе Советского государства, но при этом избежать широкомас-

штабной войны. В то же время страны Азии, прежде всего Япония, пытались оставить Дальний Восток с его богатыми ресурсами за собой путем оккупации всего региона. Сложная международная и военно-политическая обстановка в начале 1920 года привела партию большевиков и Советское правительство к политическому маневру – временному отказу от восстановления советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке и образованию на этой территории «буферной» республики (ДВР). В 1920 году после разгрома Колчака большевики пошли на создание «буферного» государства, формально независимого от Советской России с целью отсрочить войну с Японией и по возможности вытеснить интервентов мирным путем с Дальнего Востока.

7 января 1920 года Политцентр отправил делегацию для переговоров о перемирии с Советской Россией и образовании временного буферного государства в Восточной Сибири. 19 января 1920 года в Томске было решено организовать «буфер» с границами по линии Оки и Ангары. 28 марта 1920 года в Верхнеудинске открылся съезд трудового населения Прибайкалья, который 2 апреля принял решение об образовании «буфера» на Дальнем Востоке во главе с многопартийным правительством (большевиков, эсеров, социал-демократов. После обсуждения 6 апреля 1920 года был принят документ, формально узаконивший создание нового «буферного» государства.

Население ДВР вело активную борьбу с японской оккупа-

цией за свободу и независимость нового государства.

Оккупационная зона японцев на Дальнем Востоке продолжала неуклонно сокращаться.

25 октября 1922 года партизаны заняли Владивосток, а уже 15 ноября ВЦИК объявил ДВР составной частью РСФСР».

* * *

Партизанский отряд товарища Бирюкова прошлой зимой «квартировал» в глухой таежной балке среди сопок. Из врытых землянок торчали жестяные трубы. По ночам в низинах собирался холодный осенний туман. Дров много. Из-за дальнего расстояния до первых селений печного дыма можно было не опасаться. Сопки надежно закрывали собою это партизанское убежище. Сюда не долетали даже гудки паровозов. Снег завалил звериные тропы. Ветер грохочет в тайге. Замшелые столетние лиственницы высятся над сугробами. Нет следов рыси и зайца. Непроходимые трущобы черного хвойного леса, бурелома, кустарников. На десятки километров кругом чаща, марь, валежник, каменные россыпи.

На самой железной дороге и вдоль нее беспредельно хозяйничали японцы. В планах было, если партизанская война затянется, вновь использовать уже оборудованный и когда-то обжитый лагерь. Но события показывали, что скоро все изменится. Можно будет окончательно выйти из тайги и, слившись с регулярной Красной армией, бить врага до победного конца.

Фроську по приказу семеновского штабс-капитана Яхонтова привязали руками назад к столбику. Притащили охапку сена. Готовились запалить.

– Как же так, Фрося? Смею обратиться, господин штабс-капитан?

– Обращайтесь.

– Как же так, господин офицер? – теребил мятую фуражку Иннокентий. – Я же честно. По первой мобилизации к вам...

– Смотри-смотри на свою грешную бабу, – проговорил тот, глядя будто сквозь Иннокентия бесцветными водянистыми глазами. – Раньше надо было думать, прежде чем избу с японцами поджечь.

– Так ведь не пожгла, все обошлось. Да и японцев там не было. По дурасти она, господин штабс-капитан. И в жизни она такая. Всегда ругаемся... И тут психанула она, никого жечь не собиралась...

– Ну-ну, теперь не будете ругаться, – успокоил штабс-капитан и махнул рукой. – Пора запаливать.

Видя, что не убедить, Кеха, в ужасе перекосив лицо, дико вскрикнул:

– Да я за Фроську, твари вы косоглазые!!!

– Мы не косоглазые, это японцы, голубчик, косоглазые. Вы что-то попутали господин гармонист или товарищ гармонист? Еще скажи спасибо, что я не отдал ее именно им. – Поглядев на бледное лицо Иннокентия, офицер вдруг смягчился, а может, просто острастку разыгрывал, махнул рукой сол-

датам, которые оставались в недоумении и замерли в ожидании: неужто грех такой на душу взять придется?

– Ладно, развяжите эту дуру безмозглую. Пускай пока живет на радость гармонисту. Но если что, – поднес к лицу того кулак, затянутый черной перчаткой, – одними мордасами не обойдется.

Осчастливленный больше жены муж готов был целовать протянутый кулак штабс-капитана, неизвестно почему сменившего вдруг гнев на милость, которая все-таки объяснялась простой причиной. Офицер внутренне был зол на союзников за недавний бой с красными. В принципе, именно из-за нерешительности японской роты семеновцы понесли потери. Еще больше прибавляло неприязни воспоминания столкновений с партизанами. Японцы избегали атак, преимущественно стреляя только из-за укрытий. Не соблюдали или сознательно нарушали тактику боя, вероятно, исключительно в целях самосохранения. Видно, сильно хотелось вернуться домой, на свои острова, в мир цветущей белой сакуры, к своим прекрасным, известным тонкой любовью, дамам.

«Если страшно воевать, то зачем сюда приплыли?» – негодовал русский штабс-капитан, прежде искренне уверенный в практическом содействии союзников.

Обрадованный же Кеха, когда Яхонтов удалился, слегка одурел, пролепетав, что Верховный Главнокомандующий Русской армией адмирал Колчак своими приказами запре-

тил бить в зубы мужиков.

– Чего? В зубы, говоришь, нельзя? А по зубам можно? – задержавшийся во дворе урядник с размаху ударил по Кехиному лицу. Мотнулась голова. – Что? Еще хочешь?

– Нет уж. Шпашибо! – выплюнул Кеха окровавленный зуб.

– На здоровье! – рыкнул урядник, глядя исподлобья на наглого мужичишку – соплей перешибешь, но с гонором. Тут едва бабы своей не лишился, а, гляди-ка, о Колчаке вспомнил. Слышало местное начальство о категорических запретах Верховного бессудных расправ, реквизиций у населения, телесных наказаний, да только чихать хотели на эти приказы в таежной глуши. До бога высоко, до Омска далеко. Всовывая ногу в стремя, урядник еще раз погрозил Кехе нагайкой, бормоча:

– Ишь ты, Колчак не велел морду бить!.. Колчак – Колчаком, а морда – мордой!!

И, хлестнув коня, грозный казак ускакал, растаяв в густой пыли иссушенной летним зноем улицы.

XIV

«Не ко времени расхворался», – досадовал Баженов. По молодости он вылечивал простуду народными средствами. Сидел над чугуном со сваренной в мундире картошкой, накрывшись полушубком. Вдыхал раскаленный пар. Помогал отвар чабреца с сушеной малиной и редька с медом. Но теперь дело было худо. Нужны были лекарства. За ними племяннице пришлось сходить до села.

Напуганная болезнью дядюшки, Настя поминутно заглядывала в закуток горенки, где была его спальня, слушала тяжелое дыхание, не в силах помочь. Лоб больного горячил ладонь. Болезнь, конечно, отступала, но медленно. Хотелось постоянно пить. Наготове стоял целебный отвар богородской травы.

Федот Евлампиевич, проведя в бредовую ночь и чувствуя ломоту во всем теле и жар в груди, ранним утром открыв глаза, увидел безмолвно сидящую рядом на табуретке племянницу. Пахло огарками. Из экономии керосина в лампе Настя жгла самодельные сальники.

– Ты, что же, так и сидела всю ночь? – хрипло спросил он, трогая ее мягкую руку.

– Как же тут уснуть? Боязно мне.

– Ну, не помер же, обойдется, – как можно мягче произнес Федот Евлампиевич. – Поди приляг. Мне уж полегше.

– Правда?

– Еще немного и порядок будет. Что мне сделается? Поди отдохни. И так намаялась со мной.

– Значит, помогли порошки? А вы боялись меня отпустить до села. Я быстро обернулась. Тетя Елизавета привет передавала, вот и гостинцев отправила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.